

НАДЕЖДА РУНОВА

ПОСЛЕДНИЙ
ПОРТРЕТ
ИМПЕРАТРИЦЫ

Надежда Рунова

Последний портрет императрицы

«Автор»

2026

Рунова Н.

Последний портрет императрицы / Н. Рунова — «Автор», 2026

В реставрационную мастерскую Александры Вороновой попадает старый семейный портрет женщины в зелёном платье. Имя художника неизвестно, история картины почти утрачена, а под поздним слоем живописи скрывается другое женское изображение. Первые исследования дают слишком смелую версию: след может вести к Екатерине II. Петербург, 1795 год.

Молодая художница Анна Ржевская оказывается во дворце после того, как осмеливается исправить на парадном портрете руку императрицы — слишком молодую и слишком безупречную. Вскоре Екатерина поручает ей написать себя без короны, мантии и привычной лжи официального портрета. Но рядом с картиной появляются бумаги с чужими подписями, спорные решения и люди, которым опасно знать, что именно заметила императрица. Два века спустя Александре предстоит выяснить не только, кто скрыт под зелёным платьем, но и кем была женщина, чьё лицо осталось сверху.

Содержание

Глава	5
Глава 1. Портрет неизвестной	6
Глава 2. Рука императрицы	12
Глава 3. Без короны	23
Глава 4. Первый слой	30
Глава 5. Женщина под женщиной	40
Глава 6. Чужие глаза	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Последний портрет императрицы

Глава

Надежда Рунова

Последний портрет императрицы

Роман

Глава 1. Портрет неизвестной

Когда человек приносит реставратору картину, завернутую в старое шерстяное одеяло, и ещё с порога сообщает, что она «висела у бабушки над диваном лет семьдесят и прекрасно себя чувствовала», у реставратора появляется несколько вариантов реакции. Можно начать объяснять про перепады температуры, влажность, пыль, табачный дым, кухонный жир и домашние способы ухода, после которых живопись иногда хочется не восстанавливать, а отпевать. Можно сразу спросить, протирали ли бабушка полотно влажной тряпкой. Я обычно выбирала третий путь: улыбалась, освобождала большой стол и предлагала сначала посмотреть, что именно пережило семьдесят лет над диваном.

— Только осторожнее с рамой, — предупредил мужчина, пока мы вместе укладывали свёрток. — Она, говорят, тоже старая.

Рама оказалась тяжёлой, золочёной и действительно старой, хотя к самой картине имела примерно такое же отношение, как я к императорской фамилии. Кто-то подобрал её значительно позже, подрезал задник, добавил пару деревянных клиньев и закрепил холст гвоздями, при виде которых мой преподаватель в академии когда-то начинал говорить тихо и страшно.

Сняв перчатки, я отступила на шаг и посмотрела на владельца.

Аркадию Леонидовичу было около шестидесяти. Он приехал в дорогом пальто, которое успел испачкать о край грузового лифта, и теперь время от времени рассматривал серую полоску на рукаве с выражением человека, лично преданного системой жилищно-коммунального хозяйства. Мы знали друг друга минут двадцать, и за это время я уже успела выяснить, что картину нашли в квартире покойной тётки, сама тётка считала её семейной, остальные родственники считали тётку склонной к фантазиям, а показать полотно специалисту все согласились только после того, как внучатый племянник сфотографировал раму и сообщил, что «похожее продаётся за большие деньги».

Семейные реликвии вообще часто начинали интересовать родственников примерно в тот момент, когда кто-нибудь произносил слово «аукцион».

— Хотите кофе? — спросила я.

— Спасибо, я уже пил.

— Тогда мне повезло. Кофе у нас всё равно закончился.

Аркадий Леонидович не сразу понял, шучу я или действительно принимаю клиентов в мастерской, где нет кофе. В нашей профессии люди почему-то ждут либо музейной торжественности, либо творческого хаоса с баночками, кистями и женщиной в длинном льняном платье. Вместо этого они обнаруживали два больших стола, хорошее освещение, вытяжку, шкафы с материалами, компьютер, табурет с кривой ножкой, который я третий месяц собиралась заменить, и меня в сером халате поверх джинсов.

— А долго смотреть будете?

— Сейчас скажу, что вижу снаружи. Дальше понадобится исследование.

— То есть сразу нельзя понять?

— Можно. Если вы хотите неправильный ответ быстро.

Он усмехнулся и наконец перестал тереть пятно на пальто.

Я включила дополнительный свет и осторожно освободила холст от одеяла.

Женщина появилась постепенно: сначала тёмные складки платья, потом рука, лежащая на краю кресла, тонкие пальцы с кольцом, которое художник прописал тщательнее, чем половину лица. Лак сильно пожелтел, поэтому кожа приобрела тот оттенок, который у живых людей обычно вызывает желание вызвать врача. В верхней части полотна шёл старый разрыв, края которого кто-то когда-то аккуратно свёл и заклеил с оборота. В левом углу краска вспучилась, а по всей поверхности тянулась густая сетка кракелюра.

И всё равно картина была хорошая. Не в смысле дорогая — о деньгах я пока вообще не думала. Просто хорошая.

Женщина сидела вполоборота, словно художник поймал её между двумя движениями. Голова слегка повернута, губы сжаты, взгляд направлен мимо зрителя. Платье было написано уверенно, широкими мазками, а лицо — осторожнее, местами почти сухой кистью. Автор явно умел работать и при этом почему-то несколько раз возвращался к одним и тем же участкам.

— Ну? — не выдержал Аркадий Леонидович.

— Пока вижу конец восемнадцатого или самое начало девятнадцатого века. Позже скажу точнее. Полотно реставрировали, возможно, несколько раз. Лак старый, загрязнение сильное, есть поздние записи.

— Записи?

— Краска поверх авторского слоя.

Он наклонился ближе.

— Подрисовывали?

— Иногда подрисовывали. Иногда переписывали целые куски.

Эта мысль ему явно не понравилась.

— И зачем?

— Причин бывает много. Повреждение, новая мода, желание владельца. Иногда лицо казалось недостаточно красивым, декольте — слишком открытым, платье — устаревшим. Люди любят улучшать прошлое под свои представления о приличиях.

— Так её могли сделать красивее?

Я снова посмотрела на портрет.

— Могли попытаться.

Женщина на холсте, если честно, и сейчас не особенно старалась понравиться. Художник оставил ей тяжёлые веки, чуть длинноватый нос, упрямую линию подбородка и едва заметную складку возле губ. Если поздний реставратор действительно пытался сделать её красивее, характер пережил вмешательство.

Мне это понравилось.

— А кто она?

— Вот это вы мне должны были рассказать.

Аркадий Леонидович развёл руками.

— Тётя называла её княгиней.

— Какой?

— Разные версии были.

— Очень удобно.

— Один раз говорила, что из Ржевских. Потом вдруг решила, что Вяземская. В последние годы вообще называла её чуть ли не родственницей Екатерины.

— Екатерины Второй?

— Ну не Медичи же.

Я рассмеялась и снова придвинула лампу.

На обороте холста сохранилось несколько бумажных наклеек. Одна почти полностью истлела, на другой ещё читались цифры, похожие на старый инвентарный номер. Подрамник меняли; это было видно сразу. На нижней планке кто-то карандашом написал «Е. Р.» и рядом поставил несколько знаков, которые с первого взгляда вполне можно было принять за начало даты.

— Документы есть?

— Какие документы?

— Любые. Завещания, старые описи, фотографии квартиры, бумаги на картину, переписка тёти.

Аркадий Леонидович посмотрел на меня с сожалением, словно я только что потребовала метрическую книгу за тысяча семьсот какой-нибудь год, которую он обязан был носить с собой.

— Там коробок двадцать.

— Отлично.

— В каком смысле?

— В прямом. Чем больше бумаги, тем больше шанс найти хоть что-нибудь полезное.

— А я думал, вы картиной занимаетесь.

— Картиной. Но портреты обычно имеют неприятную привычку изображать людей, а люди оставляют бумаги.

Он покачал головой, но спорить не стал.

Пока Аркадий Леонидович звонил кому-то из родственников насчёт коробок, я принесла лупу и начала осмотр с лица. У правого виска слой был плотнее. Волосы тоже выглядели подозрительно: отдельные пряди ложились поверх старого кракелюра, значит, часть причёски появилась позже. То же самое происходило возле выреза платья. Под тёмно-зелёной краской местами просвечивал более холодный оттенок.

Вдоль плеча шла странная линия, которая не совпадала ни со складкой ткани, ни с формой тела. Она уходила к шее, потом исчезала под поздней краской.

— Вы говорили, её переписывали? — снова спросил Аркадий Леонидович.

— Говорила.

— Сильно?

— Скоро узнаем.

— А если под ней что-то другое?

Вот теперь он наконец задал правильный вопрос.

— Такое бывает.

Он сразу оживился.

— Другая картина?

— Иногда художники использовали холсты повторно. Иногда меняли композицию в процессе. Иногда позднее изображение полностью закрывает более раннее. Вариантов много.

— И это повышает цену?

Я даже не удивилась.

— Пока повышается только объём моей работы.

Он рассмеялся, видимо решив, что я опять шучу.

Я не шутила.

Через час портрет уже стоял на рабочем мольберте, а Аркадий Леонидович уехал, пообещав прислать фотографии коробок и «узнать у семьи, где вообще хранились старые бумаги». По выражению его лица я поняла, что семья сегодня проведёт чудесный вечер, выясняя, кому принадлежит наследственная документация и почему именно этот человек до сих пор ничего не сделал.

После его ухода я наконец осталась с картиной один на один. Пока рядом стоит человек, который принёс вещь, приходится одновременно смотреть на предмет и отвечать на вопросы. Когда остаёшься одна, всё лишнее постепенно отступает.

Переставив лампу, я сфотографировала общий вид, потом детали, записала размеры и состояние в рабочую карточку. Особых чудес пока не происходило. Хороший старый портрет, сильно загрязнённый, с поздними вмешательствами. Таких через руки реставраторов проходит много, и большинство никогда не становится сенсацией. Их приводят в порядок, уточняют атрибуцию, иногда находят имя художника, потом они возвращаются в музей, коллекцию или на стену в гостиной, где новый владелец обещает обращаться с ними правильно и через пару лет всё равно ставит рядом увлажнитель.

На фотографии в увеличении странная линия возле плеча выглядела ещё заметнее. Что-то там действительно было: сначала я приняла её за остаток старого украшения, возможно цепочки или края кружева, но чуть выше проступала вторая линия, почти параллельная первой.

Пришлось снова подойти к полотну. Под увеличением зелёная краска платья уже не выглядела единым слоем; в одном месте поздняя запись оказалась настолько тонкой, что сквозь неё просвечивал крошечный участок светлой, почти серебристой краски.

Если убрать поздние волосы и нынешнюю форму выреза, первоначальный наряд вполне мог оказаться другим.

На обороте по-прежнему ждали две карандашные буквы.

«Е. Р.»

Я открыла фотографию подрамника на мониторе и ещё раз посмотрела на знаки рядом. То, что сперва показалось мне началом даты, теперь выглядело куда менее убедительно.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда я собиралась переходить к инфракрасному исследованию.

— Только скажи, что ты сегодня хотя бы обедала, — сообщил Михаил вместо приветствия.

Прижав телефон плечом, я продолжила настраивать оборудование.

— Здравствуй и тебе.

— Значит, нет.

— С чего ты взял?

— Ты отвечаешь слишком мирно. Голодная Воронова обычно начинает разговор с обвинений.

— Я занята.

— Именно поэтому я звоню. Ты обещала прислать фотографии того портрета.

— Он приехал час назад.

— А обещала когда?

Пришлось задуматься.

— Вчера.

— Рад, что реставраторы всё ещё живут вне линейного времени.

Михаил Ордынцев работал с архивами почти двадцать лет и за это время приобрёл две профессиональные привычки: относиться к любому предположению как к личному вызову и напоминать окружающим про даты с таким выражением, будто календарь изобрёл он сам. Мы знали друг друга лет восемь, несколько раз работали вместе и давно пришли к удобной форме сотрудничества, при которой каждый считал второго невыносимым, но всё равно звонил именно ему.

— Фамилия пока под вопросом, — сказала я. — В семье её называли то Ржевской, то Вяземской, один раз чуть ли не родственницей Екатерины.

— Прекрасно. Семейные легенды люблю особенно. После них обычно выясняется, что «князь» служил коллежским регистратором, а «родовая усадьба» была куплена прадедом в тысяча девятьсот двенадцатом.

— Здесь подрамник с буквами «Е. Р.».

— Уже лучше.

— И большие поздние записи.

Михаил ответил не сразу.

— Насколько большие?

— Лицо трогали, причёску точно меняли, одежду, похоже, тоже.

Михаил помолчал.

— Под ней что-то есть?

— Пока есть основания проверить.
— Александра.
— Что?
— Ты сейчас произнесла это тем голосом.
— Каким?
— Которым говоришь перед тем, как позвонить мне в полночь со словами «тут небольшая проблема».
— Один раз было.
— Три.
— Ты всё записываешь?
— Я историк.
Это было настолько по-михайловски, что я усмехнулась и наконец включила камеру.
— Пришлю снимки вечером.
— До вечера ты всё равно полезешь глубже.
— Разумеется.
— Тогда хотя бы ничего не смывай до исследований.
Я оскорбилась вполне искренне.
— Ты сейчас серьёзно объясняешь реставратору последовательность работы?
— Я забочусь о культурном наследии.
— Заботься молча.
Он рассмеялся и отключился.

Инфракрасное исследование не обещало мгновенного ответа. Одни пигменты пропускали излучение лучше, другие хуже; иногда подрисунк проступал почти идеально, иногда техника лишь подтверждала, что художник любил менять решения по ходу работы. На первом проходе возле плеча проявилась линия, а рядом с ней — вторая. Несколько секунд я просто смотрела на монитор, прежде чем приблизить участок.

Под тёмным платьем сидящей женщины проступал другой контур плеча — выше нынешнего и заметно шире. От него вниз уходила линия, похожая на край рукава, а возле груди угадывался фрагмент формы, который мог оказаться частью украшения, отделки или вообще старой композиционной разметки. На соседнем участке, там, где сейчас был тёмный фон, проявилось нечто похожее на край драпировки, хотя утверждать это по одному снимку было бы самонадеянно.

С головой оказалось сложнее. Поздняя краска и некоторые пигменты почти полностью перекрывали нижний слой, и я уже решила, что на сегодня ничего больше не получу, когда справа от нынешней причёски обнаружилось странное овальное пятно с несколькими выступами по верхнему краю.

Первая ассоциация была слишком очевидной — корона. Я посмотрела ещё раз и тут же велела себе успокоиться. Реставратор, который видит корону в каждой непонятной кляксе, очень быстро начинает находить императриц там, где художник просто исправлял складку шторы.

Снимок получил нейтральное название «участок 14», после чего я отправилась греть воду для чая.

Чайник успел щёлкнуть, а я всё ещё стояла возле стола и смотрела на женщину. Её лицо под жёлтым лаком казалось усталым и немного насмешливым, хотя приписывать портретам характер я себе запрещала. Стоит один раз решить, что человек на картине «гордый» или «печальный», и дальше начинаешь подгонять под эту мысль каждый поворот губ и каждую тень под глазами.

Вернувшись к компьютеру с кружкой, я открыла справочную папку с портретами конца екатерининского времени — исключительно ради сравнения костюма, как сказала себе.

Платья действительно были похожи. Причёски тоже. Украшения менялись, художники копировали друг друга, заказчики хотели выглядеть модно, и из половины совпадений можно было сделать сенсацию, если очень захотеть. Мне как раз хотелось обратного.

Через несколько минут телефон снова оказался в руке.

«Ты занят?»

Ответ Михаила появился почти сразу.

«Для тебя — уже боюсь спрашивать».

Я отправила ему фотографии оборота, инфракрасный снимок и несколько деталей верхнего слоя.

На этот раз он перезвонил не сразу.

— Откуда это?

— Я же сказала. Семейный портрет.

— Я про нижний слой.

— Из семейного портрета.

— Очень смешно. Есть ещё?

— Пока немного.

— Что ты сама думаешь?

— Пока вижу, что под нынешним изображением есть другая женская композиция.

Одежда, вероятно, богаче, положение плеча другое, возможно, головной убор или часть фона. Этого недостаточно.

— А «Е. Р.»?

— Может быть чем угодно.

— Понятно.

— Не делай так.

— Как?

— Этим голосом.

— Я вообще ничего не сказал.

— Вот именно.

Он хмыкнул.

— Пришли мне оборот в максимальном качестве. И всё, что есть по семье владельцев. Я попробую посмотреть старые описи и фамилии, но быстро ничего не обещаю.

— Мне и не надо быстро.

— Это неправда, но звучит профессионально.

— До завтра, Ордынцев.

— До завтра, Воронова.

Разговор закончился, а работа — нет. Я ещё раз прошла по нижнему краю полотна косым светом, больше из упрямства, чем в ожидании нового открытия. Там, возле самой рамы, где поздняя краска местами осыпалась, виднелась тонкая линия, прежде принятая мной за случайную царапину.

Под лупой стало ясно, что это часть буквы.

Рядом обнаружилась ещё одна.

Большая часть надписи уходила под зелёное платье, поэтому прочитать её целиком было невозможно. Я меняла угол света, делала снимок за снимком, пока в одном месте не сложилось несколько знакомых букв.

«...величество...»

Этого было мало для вывода и более чем достаточно, чтобы домой сегодня не спешить.

Я снова включила компьютер.

Глава 2. Рука императрицы

В ноябре 1795 года в Петербурге существовало несколько надёжных способов испортить себе утро, и Анна Ржевская знала по меньшей мере три. Можно было выйти из дома в новых башмаках, решить, что Невский проспект после ночного снега выглядит вполне проходимым, и через четверть часа обнаружить под ногами смесь воды, грязи и конского навоза. Можно было опоздать к утреннему кофе и застать тётку Прасковью Павловну уже в том расположении духа, при котором вся страна неизбежно катилась к нравственной гибели. Или можно было прийти в мастерскую, ещё не успев толком развязать ленты капора, и услышать от Андрея Ильича:

— Ржевская, вы опять написали ей руки.

Анна остановилась в дверях. Под локтем у неё был зажат свёрток с ещё тёплым хлебом, купленным по дороге, мокрый край юбки неприятно лип к щиколотке, а пальцы после улицы слушались плохо, поэтому узел под подбородком только затягивался сильнее.

— И вам доброе утро.

— Оно было бы значительно лучше, если бы вы ответили на вопрос.

— Вы вопроса ещё не задали.

В мастерской было теплее, чем на улице, но ненамного. Печь растопили недавно, возле неё сохли две тряпки и пара Андрея Ильича, которую он вчера промочил по дороге от заказчика. Пахло льняным маслом, углём, деревом и свежим хлебом, который Анна наконец освободила из-под локтя и положила на подоконник подальше от красок.

Андрей Ильич Соколов стоял посреди комнаты в длинном коричневом сюртуке, давно переставшем различать льняное масло, уголь, мел и собственный первоначальный цвет. Ему было пятьдесят восемь, выглядел он старше, чувствовал себя, по его словам, на сорок три, а всех людей моложе тридцати считал существами, которым следовало чаще молчать и внимательнее смотреть.

Сейчас он указывал кистью на большой портрет Екатерины Алексеевны, установленный у дальней стены.

Портрет был почти закончен. Императрица стояла у колонны в тяжёлом серебристом платье, поверх которого спадала горностаевая мантия. На столе лежали корона и бумаги, вдали угадывалась драпировка, а выражение лица было таким спокойным и достойным, что любому человеку, посмотревшему на картину, становилось ясно: государственные дела решаются именно так — без бессонных ночей, больных ног, раздражающих родственников и придворных, способных четверть часа рассказывать о себе, не сообщив при этом ничего полезного.

Анна сняла капор, повесила его на спинку стула и подошла ближе.

— С рукой что-то не так?

— С рукой всё слишком так.

— Это новое художественное замечание?

— Это замечание человека, который вчера вечером оставил здесь вполне приличную кисть шестидесятилетней женщины, а сегодня утром обнаружил руку живого человека.

Она остановилась перед полотном.

Правая кисть Екатерины лежала на листе бумаги. Вчера пальцы действительно выглядели иначе: гладкими, белыми, почти одинаковыми по толщине. Анна полночи ворочалась, вспоминая эту руку, а утром явилась в мастерскую раньше обычного и успела переписать её, пока Андрей Ильич ездил к поставщику за лаком.

Теперь под тонкой кожей угадывались суставы, возле большого пальца появилась синеватая жилка, ногти стали немного шире, а безымянный палец слегка согнулся. Изменения были небольшими, но прежняя фарфоровая кисть исчезла.

— По-моему, стало лучше.

— Разумеется, стало лучше. В этом и заключается проблема.

Анна перевела взгляд с картины на учителя.

— Я окончательно запуталась. Обычно вы ругаетесь, когда становится хуже.

— Заказчик платит художнику не за то, чтобы тот сообщал ему всю правду.

— А за что?

— За сходство, которое его устраивает.

Анна ещё раз посмотрела на гладкое лицо Екатерины, затем на руку, которую испортила возрастом и суставами.

— Тогда проще было не звать художника, а пригласить священника. Он хотя бы заранее знает, какие слова людям приятно слышать.

Андрей Ильич медленно закрыл глаза.

— Когда-нибудь ваш язык оставит вас без работы.

— Пока меня без работы чаще оставляет отсутствие моей фамилии внизу картины.

Он открыл глаза и уже набрал воздух для ответа, когда с улицы донёсся грохот колёс. Не обычный скрип телеги и не ругань извозчика: карета остановилась прямо возле дома.

Оба одновременно повернулись к окну.

Андрей Ильич произнёс что-то так тихо и благочестиво, что при желании это можно было принять за молитву.

— Они раньше.

Анна потёрла всё ещё холодные пальцы.

— Кто?

Он посмотрел на неё с тем выражением, которое она особенно не любила: в нём обычно смешивались тревога, раздражение и предварительная уверенность, что виновата будет именно она.

— Из дворца.

После этого про хлеб Анна вспомнила только много позже.

Через несколько минут мастерская наполнилась людьми и холодным воздухом с лестницы. Сначала вошёл молодой чиновник в синем мундире, за ним лакей, потом ещё двое мужчин, которым, судя по всему, предстояло вынести портрет из комнаты, спустить его по узкой лестнице и не оставить от императорского изображения ни одного угла на стене.

Андрей Ильич мгновенно превратился из человека, пять минут назад готового читать Анне лекцию о природе заказчика, в обходительного мастера, для которого ранний приезд дворцовых служащих был событием вполне ожидаемым и даже чрезвычайно приятным.

— Её императорское величество желает видеть работу сегодня, — сообщил чиновник.

— Разумеется.

— К полудню.

— Безусловно.

Анна посмотрела на часы у стены и невольно шагнула ближе к Андрею Ильичу. До полудня оставалось меньше часа.

— Андрей Ильич.

— Что?

Она едва заметно кивнула на стол с материалами.

— Лак.

На мгновение он перестал улыбаться.

Последний слой ещё не был нанесён.

Они молча посмотрели друг на друга, причём Анна совершенно ясно прочла в его лице весь разговор, который состоится позже и желательно без свидетелей.

Андрей Ильич повернулся к чиновнику.

— Господин...

— Ланской.

— Господин Ланской, работа совершенно готова к показу. Есть лишь небольшая техническая особенность, связанная с окончательной обработкой поверхности и временем, необходимым для...

Анна тихо отошла к окну. Андрей Ильич умел объяснять технические проблемы так обстоятельно, что через десять минут собеседник обычно начинал сомневаться, действительно ли живопись существует и не проще ли было заказать гобелен.

Ланской оказался крепче обычных заказчиков.

— Её величество просила доставить портрет к полудню.

— Конечно.

— И мастера.

— Разумеется.

Чиновник перевёл взгляд на Анну, которая в этот момент совершенно напрасно попыталась сделать вид, будто находится здесь исключительно ради хлеба на подоконнике.

— А это?

Вопрос был задан без грубости. Скорее так смотрели на табурет, неожиданно оказавшийся посреди прохода: предмет явно существует, но непонятно, должен ли он находиться именно здесь.

Андрей Ильич кашлянул.

— Моя помощница. Анна Павловна Ржевская.

Ланской задержал на ней взгляд.

— Художница?

Один из мужчин, уже взявшийся за раму, даже остановился.

Анна посмотрела на Андрея Ильича. Тот, судя по лицу, тоже очень хотел услышать, каким будет его ответ.

— Она помогает мне в работе, — сказал он наконец.

— Понятно.

По интонации Ланского было ясно, что понятнее не стало.

Через сорок минут Анна сидела в карете напротив Андрея Ильича и старалась не смотреть на портрет, закреплённый сбоку в специальной раме.

Её капор всё ещё был влажным по краям, юбка за время поездки успела подсохнуть и теперь неприятно стягивала ткань на щиколотках. В мастерской остались хлеб, утренний кофе, который она так и не выпила, и ощущение вполне обычного рабочего дня.

Желудок первым напомнил ей, что обычный день закончился довольно давно.

— Вы могли сказать, что руки писали сами, — предложила Анна.

Андрей Ильич, который уже несколько минут поправлял воротник, будто тот был виноват во всём происходящем, поднял глаза.

— Какие руки?

— Императрицы.

— Я надеялся хотя бы до дворца не обсуждать причину моей скорой смерти.

— Она настолько плохая?

— Рука прекрасная.

— Тогда почему вы собрались умирать?

Он тяжело вздохнул.

— Потому что вы никак не хотите понять простую вещь. Когда копируешь парадный портрет государыни, задача состоит в том, чтобы сохранить образ, который от тебя ждут. Не всякая правда обязана появляться на холсте только потому, что вы её заметили.

Анна отвернулась к окну.

Петербург проплывал мимо серым, влажным и чрезвычайно занятым собой. У ворот толпились извозчики, торговцы прикрывали товар от мокрого снега, женщина в старом платке тащила за руку мальчишку, который упорно пытался остановиться возле каждой застывшей лужи. Копыта разбивали жидкую снежную кашу, на углу ругались двое возчиков, а над крышами висело низкое небо, при котором город казался построенным непосредственно внутри облака.

— А если человек на портрете всё-таки есть? — спросила она.

— Анна Павловна.

— Всё, молчу.

— Постарайтесь сохранить это состояние и во дворце.

Она выдержала несколько секунд.

— Я там вообще зачем?

Андрей Ильич посмотрел на неё с усталостью человека, которому судьба посылает одно испытание за другим исключительно в женском обличье.

— Затем, что господин Ланской потребовал явиться мастеру, а мне нужен рядом человек, который знает, где именно вы полезли исправлять слой.

— Вы же знаете.

— Я знаю, где вы должны были его исправлять. Это, как выяснилось сегодня утром, далеко не одно и то же.

Анна снова повернулась к окну, чтобы он не увидел улыбку.

Во дворце оказалось жарко.

После мокрой улицы и холодной кареты тепло сначала показалось благословением, а через несколько минут превратилось в отдельное испытание. Верхнюю одежду пришлось оставить у лакея, перчатки Анна сунула внутрь капора и тут же забыла, куда именно, а мокрые волосы у висков начали сохнуть и неприятно щекотать кожу.

Людей вокруг было значительно больше, чем она ожидала. Они появлялись из дверей, исчезали за другими дверями, передавали бумаги, ждали, кланялись, переговаривались вполголоса. Кто-то нёс коробки, кто-то папки, кто-то поднос с чашками; запах горячего воска смешивался с духами, влажной шерстью и теплом натопленных комнат.

В детстве Анна представляла дворец местом, где императрица сидит под балдахином и управляет Россией.

Теперь выяснялось, что Россия, вероятно, управлялась бесконечным количеством мужчин, которые торопились по коридорам и очень боялись куда-нибудь опоздать.

Портрет унесли вперёд, а Анну с Андреем Ильичом оставили в небольшой комнате с двумя креслами, столиком, высокой изразцовой печью и часами, которые тикали так громко, словно имели здесь собственный чин.

Андрей Ильич сел и вытянул ноги.

Анна сначала остановилась возле окна, потом отошла к двери, вернулась обратно и обнаружила, что учитель следит за ней.

— Не ходите.

— Я стою.

— Вы сейчас снова пойдёте.

— Я никогда не хожу, когда нервничаю.

— Вы уже четыре раза дошли от окна до двери.

Анна оглядела комнату.

— Здесь всего три шага.

— Это никак не меняет количества.

Она всё-таки села, но почти сразу обнаружила, что на стуле неудобно сидеть в мокрой юбке. Пришлось подняться и снова устроиться возле окна.

За стеной кто-то засмеялся. Потом раздались быстрые шаги, приглушённый мужской голос, звук открывшейся двери. Анна стала рассматривать бронзовую ручку на шкафу, чтобы не прислушиваться.

Получалось плохо.

— Вы её видели? — спросила она.

Андрей Ильич даже не поднял головы.

— Кого именно?

— Вы прекрасно знаете кого.

— Если вы спрашиваете о государыне, то разумеется.

— Близко?

Теперь он посмотрел на неё.

— Достаточно близко, чтобы понимать: если вас туда позовут, отвечайте только на то, о чём спросили.

— Это сейчас был ответ на мой вопрос?

— Это был более полезный ответ.

Анна сложила руки на груди.

— И всё-таки какая она?

— Анна Павловна.

— Мне как художнику интересно.

— Тогда спрашивайте как художник.

Она немного подумала.

— Она похожа на свои портреты?

Андрей Ильич усмехнулся.

— Ни один человек не похож на свои портреты постоянно.

— Очень удобно.

— Сегодня утром вы сами прекрасно объяснили, почему.

Дверь открылась раньше, чем Анна успела ответить.

На пороге появился тот же чиновник.

— Господин Соколов.

Андрей Ильич поднялся настолько быстро, что коленом едва не задел кресло.

— Да.

— Её величество желает поговорить с вами.

Анна тоже сделала шаг к двери, но Ланской остановил её взглядом.

— Вы останьтесь здесь.

Андрей Ильич успел бросить на неё предупреждающий взгляд и исчез в коридоре.

Оставшись одна, Анна попыталась честно выполнить приказ.

Первые несколько минут она стояла у окна. Потом рассмотрела рисунок паркета, часы, резьбу на ножках стола и маленький пейзаж над камином. На столике лежала сложенная газета, но взять её Анна не решилась: почему-то казалось, что во дворце даже читать чужую газету следует только после специального разрешения.

Через десять минут она пришла к выводу, что Андрей Ильич получил новый заказ.

Через пятнадцать начала всерьёз размышлять, знает ли тётка Прасковья Павловна кого-нибудь, способного передать чистое бельё в крепость.

К этому времени она окончательно проголодалась и вспомнила хлеб на подоконнике с такой нежностью, какую обычно испытывала только к удачным рисункам.

Когда дверь снова открылась, Анна вздрогнула.

На пороге стоял Ланской.

— Анна Павловна Ржевская?

— Да.

— Пойдёмте.

Она торопливо выпрямилась.

— Куда?

Чиновник уже отвернулся.

— Её величество хочет вас видеть.

На этот раз коридоры показались длиннее.

Анна несколько раз пыталась выяснить, что произошло с портретом, но Ланской всякий раз отвечал одинаково:

— Вам скажут.

Никакого успокоения эта фраза не приносила.

В одной из комнат пришлось ждать ещё немного. Лакей открыл высокую дверь, Ланской отступил в сторону, и Анна первым делом увидела портрет.

Он стоял у дальней стены.

Возле него находились Андрей Ильич и двое незнакомых мужчин. Один держал бумаги, второй разговаривал вполголоса с чиновником у стола. У окна, положив руку на спинку кресла, стояла Екатерина Алексеевна.

Первой мыслью Анны было, что художники действительно лгут. Совсем немного, иногда почти из лучших побуждений, но всё-таки лгут.

Императрица оказалась ниже, чем на парадных полотнах, и полнее. Лицо было мягче и живее, чем позволяли официальные изображения, волосы под светлым чепцом убраны просто. Ни короны, ни мантии, ни драгоценностей, способных, по мнению Анны, оплатить как минимум небольшой уезд. На Екатерине было светлое домашнее платье с кружевом у ворота, а голубые глаза смотрели так внимательно, что Анна сразу забыла все наставления Андрея Ильича насчёт спокойствия.

Она поклонилась и уже в процессе поняла, что слишком низко.

Выпрямилась, решила, что сделала это слишком быстро, и окончательно запуталась в собственных ногах.

— Подойдите, — сказала Екатерина.

Голос у неё был ниже, чем ожидала Анна.

Пришлось идти.

Императрица повернулась к портрету.

— Это вы?

Анна посмотрела сначала на картину, потом на Екатерину.

— Простите, ваше императорское величество?

Екатерина указала на руку портретной фигуры.

— Андрей Ильич утверждает, что кисть переписали вы.

Анна перевела взгляд на учителя.

Тот сохранял спокойное и достойное выражение человека, который при необходимости в ближайшие минуты откажется от самого факта знакомства с ней.

— Я немного её поправила.

— Немного?

— Пальцы. И форму кисти.

Екатерина подошла ближе к портрету.

— И жилку.

Анна почувствовала, как начинает краснеть.

— Да, ваше величество.

— Вчера её не было.

Значит, государыня действительно видела работу вчера.

Почему-то именно это напугало Анну сильнее всего. Одно дело было спорить с Андреем Ильичом в мастерской и совсем другое — понимать, что человек с портрета видел свою нарисованную руку до и после её вмешательства.

— Не было, — признала она.

Екатерина ещё несколько секунд рассматривала картину.

— Почему появилась?

Можно было сослаться на анатомию, свет, живописную правду и ещё десяток приличных слов, которыми художники объясняли собственное упрямство.

Анна вместо этого посмотрела на настоящую руку императрицы, лежавшую на спинке кресла. Короткие пальцы, тонкая кожа, заметные вены, сустав большого пальца — именно это она пыталась вернуть портрету утром.

— На картине рука была слишком молодой, ваше величество.

Андрей Ильич опустил взгляд. Один из мужчин возле стола перестал листать бумаги.

Екатерина посмотрела на Анну.

— Насколько слишком?

Вот здесь следовало остановиться. Анна понимала это совершенно ясно и даже успела услышать в голове голос тётки Прасковьи Павловны, которая советовала ей сначала думать, потом говорить и желательно делать между первым и вторым гораздо больший промежуток.

— Лет на двадцать.

Кто-то за спиной тихо кашлянул.

Андрей Ильич закрыл глаза.

Екатерина несколько мгновений продолжала смотреть на Анну, а потом рассмеялась. Не придворно и не особенно благозвучно — просто прикрыла рот пальцами и рассмеялась так, что мужчина с бумагами тоже позволил себе улыбнуться.

— Слышите, Андрей Ильич? Двадцать лет вы мне украли.

— Ваше величество, я стремился сохранить...

— И не вернули.

— Я лишь хотел...

— Именно этого я и боюсь. Художники всегда куда-нибудь стремятся.

Анна пока не понимала, разрешено ли ей дышать свободнее.

Императрица снова повернулась к портрету.

— Когда мне было сорок пять, господин Рослин сделал меня настолько величественной, что я сама едва себя узнала. Теперь каждый новый живописец считает своим долгом доказать, что с тех пор я изменилась исключительно платьем.

— Ваше величество слишком строги к художникам, — осторожно заметил Андрей Ильич.

— Я к ним щедра. Это значительно полезнее.

Екатерина подняла руку и несколько секунд рассматривала собственные пальцы.

— Мне шестьдесят шесть. Почему моя рука должна стесняться этого больше, чем я?

Ответа Анна не нашла.

Екатерина снова посмотрела на неё.

— Где вы учились?

— Сначала у отца. Потом у Ивана Матвеевича Горского.

Имя вызвало едва заметное движение бровей.

— Горского я помню. Пейзажи.

— Да, ваше величество.

— Как вы оказались у Соколова?

Анна заметила, как Андрей Ильич слегка напрягся.

— После смерти отца мне понадобилась работа.

— Женщине обычно рекомендуют мужа.

Анна на секунду замялась. Вспомнились тётка, два чрезвычайно подходящих молодых человека и один вдовец с лавкой, которого ей особенно настойчиво рекомендовали прошлой зимой.

— Мне тоже рекомендовали.

Уголок рта Екатерины дрогнул.

— И?

— Работа показалась надёжнее.

На этот раз улыбнулся даже Андрей Ильич.

Екатерина прошла к креслу и села, придерживая рукой платье. Движение вышло тяжеловатым; на мгновение губы её сжались, затем лицо снова стало спокойным.

Анна невольно отметила это так же, как отмечала положение плеча или складку ткани. На парадном портрете подобного движения никто бы не оставил.

— Вы рисуете с натуры? — спросила Екатерина, устраиваясь удобнее.

— Да, ваше величество.

— Быстро?

— Смотря кого.

— Разве человек имеет значение?

Анна уже открыла рот, но вовремя подумала.

— Если он всё время двигается — да.

Екатерина посмотрела на неё с интересом.

— Я двигаюсь?

Анна бросила взгляд на Андрея Ильича. Тот стоял так неподвижно, будто сам внезапно превратился в портрет.

Помощи ждать не приходилось.

— Сейчас почти нет.

— Почти?

— Руками.

Несколько секунд Екатерина смотрела на неё, потом кивнула на небольшой стул у стены.

— Хорошо. Сядьте и покажите, как надо.

Анна решила, что неправильно услышала.

— Простите?

— Стул стоит за вами. Возьмите бумагу.

Андрей Ильич наконец ожил.

— Ваше величество, если позволите, я могу сам...

— Нет, Андрей Ильич. Вашу версию я уже видела.

Сказано это было спокойно, без раздражения, но спорить после такой фразы никому в комнате не пришло в голову.

Лакей принёс небольшой столик, бумагу и карандаши. Анна села, расправила на коленях юбку и только теперь заметила, что на правом рукаве возле локтя осталось крошечное серое пятно от угля. Утром оно казалось совершенно неважным.

Теперь ей мучительно хотелось прикрыть его ладонью.

Напротив сидела императрица всероссийская; двое придворных мужчин смотрели на Анну с плохо скрываемым любопытством, Андрей Ильич наверняка уже мысленно подсчитывал последствия, а она должна была рисовать.

Екатерина положила ладонь на подлокотник.

— Так?

Анна посмотрела на кисть, потом на положение света.

— Если позволите, немного левее.

Екатерина спокойно уточнила:

— Руку?

— Да, ваше величество. Совсем немного.

Она передвинула ладонь.

— Ещё?

Анна наклонила голову, проверяя угол.

— Чуть-чуть. Вот теперь хорошо.

Императрица послушно сдвинула руку ещё на два пальца и устроила её на подлокотнике.

— Наконец-то мне объяснили, куда девать собственные руки.

Кто-то тихо усмехнулся.

Анна опустила взгляд на бумагу и провела первую линию.

После этого стало легче.

Она знала это чувство с детства. Пока думаешь о человеке перед собой, о его имени, платье, положении в обществе и о том, что он может сделать с твоей жизнью одним словом, рисовать почти невозможно. Работа начиналась в тот момент, когда всё лишнее отступало и оставались пропорции, свет, движение и форма.

Анна наметила общий контур кисти, проверила длину пальцев, чуть изменила положение большого пальца. Карандаш прошёл по сухой складке кожи возле сустава, затем по лёгкой тени между пальцами. Здесь рука была совсем не той гладкой белой кистью, которую Андрей Ильич оставил вчера на портрете. Она прожила шестьдесят шесть лет и этого не скрывала.

Екатерина некоторое время наблюдала за ней, потом отвлеклась на бумаги.

Один из мужчин подошёл с письмами и начал докладывать о делах из Варшавы. Анна почти не вслушивалась. Императрица отвечала коротко, несколько раз задавала уточняющие вопросы, один раз раздражённо постучала пальцем по подлокотнику, и Анне пришлось остановиться.

— Ваше величество, — сказала она, не поднимая головы.

— Что?

— Рука.

Екатерина посмотрела на собственные пальцы и перестала ими двигать.

— Так лучше?

— Намного.

Примерно через пять минут Анна окончательно забыла, кто перед ней сидит.

Поэтому, когда Екатерина неожиданно спросила:

— Вы всегда так хмуритесь?

Анна продолжала смотреть на бумагу.

— Только когда мне мешают.

Карандаш остановился.

Память о дворце, придворных и российской императрице вернулась мгновенно.

Анна медленно подняла голову.

Андрей Ильич прикрыл глаза ладонью.

Екатерина смотрела на неё с явным интересом.

— Я вам мешаю?

— Вы двигали пальцами, ваше величество.

— Ах вот что.

— Простите.

Императрица устроилась в кресле удобнее.

— Продолжайте. Постараюсь вести себя прилично.

После этого она действительно сидела неподвижнее.

Рисунок занял около четверти часа. Когда Анна решила, что дальше начнёт только портить, она положила карандаш на край столика.

— Всё? — спросила Екатерина.

— Думаю, да.

— Покажите.

Анна поднялась и протянула лист.

Екатерина долго его рассматривала.

На бумаге была только рука и часть рукава — никаких лиц, трона или знаков власти. Возраст скрывать Анна не пыталась: на рисунке остались вены, суховатая кожа, широкий сустав указательного пальца. При этом рука вовсе не выглядела слабой. Скорее наоборот — в ней было что-то спокойное и уверенное, чего Анна утром никак не могла добиться на парадном портрете.

Екатерина поднесла лист ближе к свету.

— Вот это моя рука.

Анна промолчала.

— А на портрете?

— Тоже ваша, ваше величество.

Екатерина посмотрела поверх листа.

— Вы стали дипломатичнее, чем были десять минут назад.

— Я учусь быстро.

— Это полезно при дворе.

Фраза прозвучала легко, однако Андрей Ильич почему-то перестал улыбаться.

Екатерина передала рисунок мужчине, стоявшему рядом.

— Оставьте мне.

Затем снова обратилась к Анне:

— Завтра в десять часов вы придёте сюда.

Андрей Ильич сделал едва заметное движение.

— Ваше величество...

— Одна, — добавила Екатерина и посмотрела на него. — С карандашами и всем, чем вы обычно пользуетесь.

Анна всё ещё держала руки перед собой, хотя листа в них уже не было.

— Для чего?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела решить, допустимо ли вообще спрашивать императрицу о её намерениях.

Екатерина откинулась на спинку кресла.

— Хочу проверить одну вещь.

Анна выдержала паузу, но любопытство победило.

— Какую?

Теперь Андрей Ильич совершенно определённо перестал дышать.

Императрица посмотрела сначала на него, потом на Анну.

— Умеете ли вы рисовать человека, когда заранее знаете, кто перед вами.

Она потянулась к лежащим на столе бумагам.

Разговор закончился.

На обратном пути Андрей Ильич молчал почти до самого Невского.

Карета качалась на колее. По стеклу ползли капли растаявшего снега, на улице уже начало темнеть, а Анна, согревшись во дворце, снова мёрзла и безуспешно пыталась отыскать перчатки в складках капора.

Одна нашлась сразу.

Вторая исчезла.

Анна проверила рукава, сиденье и пространство возле ног.

— Завтра в десять, — произнёс наконец Андрей Ильич.

Она подняла голову.

— Я слышала.

— Одна.

— Это я тоже слышала.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— И ради всего святого, Ржевская, если государыня завтра спросит, сколько ей лет на вашем рисунке, сотрите.

Анна наконец обнаружила вторую перчатку под краем своего плаща и натянула её на замёрзшие пальцы.

— А если она заметит?

Андрей Ильич тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

— Вот поэтому я и не хотел брать женщин в мастерскую.

Анна улыбнулась и вспомнила хлеб, оставшийся утром на подоконнике.

Если его ещё не съели, день можно было считать почти удачным.

Глава 3. Без короны

Тётка Прасковья Павловна узнала о дворце раньше, чем Анна успела снять промокшие башмаки.

— Ты где была? Я уже дважды послала Варю смотреть, не идёшь ли ты от угла, а она вернулась с мокрыми ногами и сообщила, что на улице темно. Это, конечно, чрезвычайно полезное наблюдение, но мне хотелось знать, где моя племянница.

Анна, держась одной рукой за стену, стянула башмак, который за день словно уменьшился на размер.

— Добрый вечер.

— Добрый будет, когда ты войдёшь в дом до того, как я начну представлять больницу, канаву и твоего Андрея Ильича с сообщением, что тебя придавило рамой.

— Рамой меня сегодня не придавило.

— Уже легче. Где была?

— Сначала в мастерской. Потом во дворце.

Прасковья Павловна замерла в дверях столовой. За её спиной на столе горели две свечи, пахло тушёной капустой и жареным луком, а на спинке стула висела салфетка, которую тётка, судя по всему, бросила именно в тот момент, когда услышала ключ.

— Во дворце, — повторила она. — В каком именно, я даже спрашивать боюсь.

— В Зимнем.

Прасковья Павловна подошла ближе и смерила Анну взглядом с головы до мокрого подола.

— Раздевайся и иди мой руки. А за столом расскажешь всё с самого начала, без твоей привычки сообщать самое важное между двумя ложками супа.

Анна послушалась.

Дом был небольшой, старый и вечно требующий денег. Зимой из окна в спальне тянуло так, что щель закладывали свёрнутой тканью, весной начинала течь крыша над чуланом, а летом Прасковья Павловна каждый год обещала сменить половицу у кухни, на которую нельзя было наступать левым краем. После смерти отца Анна жила здесь уже третий год и давно научилась различать обычное тёткино недовольство и настоящее беспокойство.

Сегодня было второе.

За столом Прасковья Павловна дождалась, пока Анна положит себе капусту, отрежет хлеб и сделает первый глоток чая.

— Теперь рассказывай. И не начинай с середины.

Анна начала с утра.

Про портрет Екатерины Алексеевны тётка знала и, как выяснилось, гораздо больше, чем Анне казалось. Последние три недели племянница действительно почти каждый вечер говорила про руки, лицо, ткань мантии, плохо написанные пальцы и Андрея Ильича, который считал её вмешательство в чужую работу проявлением дурного характера.

— Это я помню, — остановила Прасковья Павловна. — Особенно про руку. Ты о ней говорила чаще, чем некоторые женщины говорят о женихах.

— У руки были проблемы.

— С женихами обычно тоже.

Анна продолжила: дворцовые служащие приехали раньше срока, потребовали картину, Андрей Ильич едва успел сообразить, что делать с лаком, а её саму забрали вместе с ним, потому что она знала, где именно трогала слой.

На рассказе о встрече с Екатериной тётка перестала есть.

— Подожди. Государыня сама спросила, кто переписал руку?

— Андрей Ильич сказал.

— И ты призналась?

— А что мне было делать?

— В твоём случае обычно сначала молчать. Потом думать. Потом уже решать, нужно ли говорить правду целиком.

— Она спросила, почему рука стала старше.

— И что ты ответила?

Анна вздохнула.

— Что на портрете она была слишком молодой. Лет на двадцать.

Прасковья Павловна посмотрела на неё поверх стола.

— Вот сейчас мне особенно хочется узнать, зачем Господь дал тебе способности к рисованию и одновременно такой рот.

— Государыня рассмеялась.

— Над кем?

— Скорее над Андреем Ильичом. Потом велела мне нарисовать руку с натуры.

Анна описала кресло, карандаш, нескольких придворных и тот момент, когда работа наконец стала важнее самой Екатерины. Про собственное «только когда мне мешают» она сказала чуть быстрее.

Тётка выслушала и только потом сказала:

— Значит, завтра ты снова туда идёшь.

— В десять. Одна.

— Тогда утром наденешь серое платье. Синее не годится, на нём пятно у манжеты, которое ты почему-то считаешь невидимым. Волосы уберём заново, потому что сегодня ты вернулась с причёской человека, которого гнали от самого дворца. И положишь в сумку чистый платок.

Анна улыбнулась.

— Я думала, ты сейчас будешь запрещать мне идти.

— Если императрица велела прийти, я могу запретить тебе разве что явиться туда в грязных перчатках. Не путай влияние тётки с государственной властью.

— Синее платье мне больше идёт.

— Государыня переживёт эту потерю.

Некоторое время они ели молча, а потом Прасковья Павловна спросила уже спокойнее:

— Какая она?

Анна поняла сразу.

— Не такая, как на портретах.

— Это я и без тебя подозревала.

Ответить оказалось сложнее, чем ожидалось. Перед глазами всплыли светлое домашнее платье, короткие пальцы на подлокотнике, тяжёлое движение, когда Екатерина садилась, внимательные голубые глаза и смех после разговора о возрасте.

— Вблизи она всё время меняется. Когда слушает, лицо одно. Когда раздражается — другое. А на парадных портретах всё это как будто заранее убрано.

Прасковья Павловна кивнула.

— Вот это уже похоже на ответ художника.

Серое платье наутро оказалось теснее, чем Анна помнила.

Прасковья Павловна утверждала, что платье осталось прежним, а поздние ужины — нет. Анна считала эту версию предвзятой, но спорить перед выходом не стала. Волосы были убраны так тщательно, что голова слегка побаливала уже через полчаса, на рукавах не имелось ни одного угольного пятна, а в сумке лежали карандаши, два куса сангины, уголь, складная папка с бумагой и маленький нож, которым отец когда-то затачивал ей карандаши.

У дворцового подъезда она появилась без десяти десять.

Ланской обнаружился примерно через четверть часа. Сегодня он встретил её без вчерашнего любопытства, коротко поздоровался, проверил, принесла ли она материалы, и предложил следовать за ним.

По дороге Анна всё-таки спросила:

— Её величество будет в той же комнате?

— Нет. Сегодня вас проводят в рабочий кабинет.

— Понятно.

Ланской кивнул и больше ничего не добавил.

Именно так, по мнению Анны, и должен был разговаривать человек, которому за день приходилось проводить через дворец десятки людей и не интересоваться, что они при этом чувствуют.

Без Андрея Ильича коридоры казались длиннее. Вчера можно было хотя бы смотреть на него и понимать, насколько серьёзна очередная неприятность. Сегодня ориентироваться приходилось самостоятельно.

В небольшой приёмной уже ждали трое мужчин. Один сидел с папкой на коленях, второй тихо разговаривал с секретарём, третий стоял у окна и выглядел так, словно провёл здесь половину жизни и давно перестал считать ожидание унижением.

Анне указали на кресло.

— Её величество занята. Когда освободится, вас позовут.

На этом Ланской ушёл.

Через двадцать минут у Анны затекла спина. Через сорок она успела пожалеть, что не взяла книгу. Через час мужчина у окна ушёл, его место занял другой, а государыня всё ещё занималась делами, которым, в отличие от Анны, никто не назначал точного часа.

Когда дверь наконец открылась, из кабинета вышел пожилой чиновник с красным лицом, торопливо убрал папку под мышку и едва не столкнулся с ней. Молодой секретарь назвал её имя и пригласил войти.

Сегодня Екатерина сидела за письменным столом.

Перед ней лежало несколько раскрытых писем, книга, небольшая шкатулка и чашка, возле которой осталось блюдо с крошками от печенья. Государыня писала, не поднимая головы.

Анна поклонилась и дождалась, пока Екатерина закончит строку, присыплет чернила песком и отложит перо.

— Доброе утро, Анна Павловна. Надеюсь, вас не слишком долго держали в приёмной.

— Немного.

— Значит, долго. Здесь у всех разное представление о времени. Садитесь, пожалуйста. Вчера я вызвала вас не ради ещё одной руки.

Стул уже стоял возле окна.

Анна поставила рядом сумку.

— Что вы хотите, чтобы я сегодня рисовала?

— Меня. Но не так, как вчера и не так, как Соколов пишет парадный портрет. Таких у меня достаточно. Мне хочется попробовать другой вариант.

Анна осталась стоять.

— Вы хотите ещё один портрет?

— Да. Небольшой, без парадного платья, мантии и всей обычной обстановки. Официальный портрет мне уже пишут, и второй такой же мне не нужен. Этот я пока хочу оставить у себя.

— Тогда придётся понять, каким он должен быть. Поясным? В кресле? У стола?

— Вот это как раз ваша работа. Я могу сказать только, чего не хочу. Если через полчаса вы решите, что без колонны Россия развалится, тогда обсудим.

Анна открыла папку.

— Придётся попробовать несколько вариантов.

— Пробуйте.

Дальше разговор быстро перешёл к делу. Сколько времени Екатерина готова сидеть, можно ли передвинуть кресло, останется ли сегодняшнее платье, хочет ли она чепец, как часто удастся работать.

На продолжительности сеанса они задержались дольше.

— Час я сидеть не стану. У меня столько времени нет.

— Тогда минут сорок.

— Тридцать.

— За тридцать я только начинаю нормально видеть лицо.

Екатерина ответила без раздражения:

— Анна Павловна, у меня есть обязанности, которые не исчезнут ради портрета. Если вам действительно нужно сорок минут, я постараюсь их найти, но каждый раз этого не обещаю.

— Хорошо. Тогда сегодня столько, сколько получится.

Екатерина поднялась из-за стола. Движение далось ей с усилием: ладонь на миг сильнее опёрлась о край столешницы, затем она выпрямилась и подошла к креслу.

— К окну?

— Лучше чуть левее. Там мягче свет.

Кресло переставили.

Екатерина села и устроила руки на коленях.

Анна некоторое время молча наблюдала.

Положение было удобным, аккуратным и совершенно бесполезным.

— Так не получится.

Государыня слегка подняла брови.

— Что именно?

— Вы слишком следите за собой. Вчера, когда читали бумаги, вы сидели иначе.

Екатерина обдумала это без видимой обиды.

— Вы хотите писать меня за работой?

— Я хочу сначала посмотреть, какой вы бываете, когда не стараетесь сидеть для художника.

— Это разумнее. Вернёмся к столу.

Секретарь помог переставить кресло обратно, и через минуту Екатерина продолжила работу.

Анна сделала первый набросок.

Он оказался плохим.

На втором подбородок получился слишком высоко поднятым, в третьем плечи стали шире, чем были на самом деле. Четвёртый она отложила почти сразу: там Екатерина выглядела точно так же, как на десятках знакомых портретов, только без мантии.

Государыня тем временем читала, делала пометки, диктовала ответы. Один текст вернула секретарю с просьбой переписать половину фразы, потому что «из неё нельзя понять, чего мы хотим». Анна почти не вслушивалась в содержание. Её интересовало лицо.

Когда Екатерина была недовольна, левая бровь поднималась чуть раньше правой. При чтении мелкого почерка она немного вытягивала шею и приближала лист к свету. Если что-то казалось смешным, губы сперва сжимались, и только потом появлялась улыбка.

Постепенно Анна перестала думать об императрице и начала рисовать женщину, сидевшую за столом.

Это помогло.

Когда принесли чай, Екатерина предложила чашку Анне. Та согласилась, поставила её на подоконник и вернулась к рисунку.

— Вы всегда забываете про еду, когда работаете?

— Часто.

— Соколов жалуется?

— Постоянно.

— В этом я его понимаю.

На этом разговор закончился.

Вскоре Екатерине стало жарко, и она сняла с плеч белый платок, положив его на край стола. Движение получилось настолько обычным, что Анна сперва просто продолжила рисовать, а потом поняла, что именно изменилось.

Без светлой ткани плечи стали тяжелее, лицо — заметнее, чепец перестал выглядеть частью парадного костюма. Екатерина наклонилась над письмом, забыв о художнице, и Анна быстро взяла новый лист.

Первые линии легли почти сразу.

На этот раз ничего не хотелось исправлять заранее.

— Вы поменяли бумагу, — заметила Екатерина через несколько минут. — Значит, наконец нашли что-то полезное?

— Кажется.

— Что именно?

Анна продолжала работать.

— Сейчас вы не думаете о том, как выглядите.

Екатерина вернулась к чтению.

— Тогда рисуйте, пока я снова не начала.

Вскоре вошёл мужчина в мундире и сообщил, что князь ожидает решения.

Екатерина сразу изменилась.

Перемена была небольшой: плечи выпрямились, подбородок поднялся, лицо стало собраннее. Она спросила, сколько времени князь ждёт, выслушала ответ и велела передать, что примет его позже.

После ухода чиновника прежнего выражения уже не было.

Анна отложила карандаш.

— На сегодня хватит.

— Почему? У нас ещё есть время.

— Дальше я буду рисовать уже другое лицо.

Екатерина нахмурилась, и Анна пояснила:

— Пока вы работали одна, вы были заняты делом. После доклада начали следить за тем, что происходит вокруг. Это сразу изменило выражение.

— Вы всегда так подробно наблюдаете за людьми?

— Когда рисую — да.

— Осторожнее с этой привычкой.

В голосе не было угрозы, но граница стала совершенно ясной.

— Простите.

— Извиняться не за что. Просто помните, что не всё замеченное нужно произносить вслух.

Анна кивнула.

Этого было достаточно.

Она собрала четыре листа и принесла их к столу.

Первый Екатерина просмотрела быстро. На втором задержалась дольше. Третий вызвал лёгкое недовольство.

— Здесь я похожа на провинциальную вдову.

— Поэтому я его и отложила.

— Правильно сделали.

Последним был рисунок, начатый после снятого платка.

На бумаге почти не было деталей: лицо, линия плеча, рука на письме, край стола. Чепец обозначен несколькими штрихами, платье едва намечено. Возраст Анна не скрывала, но лицо при этом не выглядело тяжёлым.

Екатерина долго рассматривала лист.

— Здесь я старше, чем на портрете Соколова. И всё-таки этот рисунок мне нравится больше.

— Потому что он больше на вас похож.

— Возможно. Или потому, что здесь я занята делом и не думаю о том, как должна выглядеть.

Анна промолчала.

Екатерина оставила рисунок перед собой.

— Он останется у меня. Остальные тоже хочу посмотреть ещё раз.

Анна начала собирать карандаши.

— Завтра приходить?

— Завтра нет. Послезавтра в одиннадцать. И принесите краски. Если рисунок не обманывает, пора проверить, что получится в цвете.

Анна замедлила движение.

— Масляные?

— Те, с которыми вы привыкли работать.

— Тогда понадобится холст.

— Небольшой. Вам дадут всё, что нужно для перевозки.

Теперь сомнений не оставалось.

Это был уже заказ на портрет.

Застегнув сумку, Анна спросила:

— Андрей Ильич знает?

— Пока нет. И я прошу вас пока ему ничего не говорить.

— Он мой учитель.

— Именно поэтому я и говорю это прямо. Я не собираюсь надолго ставить вас между мной и Соколовым. Но сначала хочу увидеть, что вы сделаете сами, прежде чем он начнёт объяснять вам, как правильно писать императрицу.

Анне это не понравилось.

— Он всё равно спросит, зачем меня вызывали.

— Скажите, что делали наброски. Это правда. Пока этого достаточно.

Екатерина вернулась к работе, и Анна уже направилась к двери, когда услышала:

— И ещё одно. Если этот портрет получится, я хочу увидеть на нём себя такой, какой вы меня видите. Не такой, какой, по вашему мнению, мне следует быть.

Анна обернулась.

— Я постараюсь.

— Этого достаточно.

На улице шёл снег.

Крупные хлопья падали почти вертикально и таяли на камне, кучера переставляли кареты, лакеи бегали от подъезда к подъезду. Анна остановилась под навесом, застёгивая плащ.

Андрей Ильич наверняка уже ждал её в мастерской и непременно спросит, сколько она пробыла во дворце, что рисовала, о чём говорила государыня и почему почти два десятка чистых листов утром ушли вместе с ней, а назад вернулась только папка с материалами.

С последним вопросом предстояло что-то придумать.

Глава 4. Первый слой

Андрей Ильич ждал её в мастерской именно так, как Анна и предполагала: стоя возле окна, с очками в одной руке и раскрытой записной книжкой в другой.

Это было хуже, чем если бы он сердился. Когда Андрей Ильич сердился, он говорил много, подробно и с удовольствием; в такие минуты можно было дожидаться, пока поток иссякнет, согласиться с двумя безобидными пунктами из пятнадцати и продолжить работу. Когда же он молчал, становилось ясно, что он успел не только составить собственное мнение, но и несколько раз проверить его на прочность.

Анна закрыла за собой дверь, поставила сумку на стол и начала с самого безопасного:

— Добрый день.

— Уже ближе к вечеру.

— Во дворце плохо соблюдают расписание.

— Это чрезвычайно важное открытие. Запишите, пока не забыли.

Сняв перчатки, Анна заметила на столе возле него чашку с остывшим кофе, два новых подрамника, пачку бумаги и тот самый хлеб, который она оставила здесь вчера утром. От буханки сохранилась примерно половина.

— Кто съел?

Андрей Ильич поднял глаза.

— Что?

— Хлеб.

— Я.

— Весь день?

— Ржевская.

Пришлось отложить расследование. Анна развязала ленты капора, повесила его на спинку стула и приготовилась к разговору, который, судя по лицу учителя, уже давно начался в его голове.

— Её величество хотела, чтобы я ещё порисовала.

— Это я уже понял.

— Откуда?

— Вы унесли утром бумагу, вернулись без единого листа и при этом не выглядите человеком, которого выгнали из дворца. Возможностей не так много.

— Могли конфисковать.

— Тогда вы выглядели бы довольнее.

Анна села на край стола.

— Почему?

— Потому что это была бы хорошая история.

Андрей Ильич закрыл записную книжку, надел очки и спросил уже без шуток:

— Что рисовали?

— Государыню. Сначала в кресле, потом за столом. Лицо, руки, фигуру, несколько набросков.

— Сколько?

— Четыре оставила себе.

— Она?

— Да.

Он помолчал, разглядывая её так, будто недостающие подробности можно было прочесть по лицу.

— И что ей понадобилось от моих рук на этот раз?

— Ничего.

— Значит, дело не в портрете.

Анна невольно повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что если бы государыня хотела исправить мою работу, она вызвала бы меня. Вас вызвали без меня.

Вот на этом месте ложь пришлось бы придумывать уже по-настоящему, а Анна лгать не любила в основном потому, что плохо запоминала подробности собственных выдумок. Она принялась поправлять ремешок сумки, хотя тот ни в какой помощи не нуждался.

— Ей понравился вчерашний рисунок. Кажется, она просто хотела посмотреть, что я сделаю ещё.

— И посмотрела?

— Да.

— Осталась довольна?

— Один рисунок ей понравился. Мне тоже.

Андрей Ильич подошёл к печи, поправил заслонку, а вернувшись, остановился напротив неё.

— Вы собираетесь заставить меня вытаскивать из вас сведения по одному предложению?

— Я рассказываю всё, что было.

— Нет. Вы рассказываете всё, что считаете безопасным.

Раздражение пришло мгновенно, и именно поэтому Анна поняла, что он прав.

— Мне ничего опасного не поручали.

— Тогда почему вы сейчас защищаете то, о чём я ещё даже не спросил?

Ответа не нашлось.

Андрей Ильич снял очки и положил их поверх записной книжки.

— Анна Павловна, я не ваш отец и не тётка. Мне не нужно знать, с кем вы разговариваете, где бываете и какого цвета платье надеваете. Но если человек из моей мастерской начинает ездить во дворец один, я должен понимать хотя бы, во что он ввязался. Не из любопытства.

— Я не ввязалась.

— Пока.

Последнее слово прозвучало настолько буднично, что возразить захотелось сильнее.

Анна встала и подошла к мольберту. Парадный портрет Екатерины стоял там же, где вчера утром, но после настоящего лица государыни казался особенно гладким: кожа слишком ровная, подбородок слишком правильный, а рука, которую Анна переписала, теперь почти спорила со всем остальным портретом своей живостью.

— Она ничего от меня не требует, — сказала Анна. — Просит рисовать. Пока всё.

— Тогда рисуйте.

Она обернулась.

— И всё?

— А что вы хотите услышать? Что вам нельзя?

— Не знаю. Возможно.

Андрей Ильич фыркнул.

— Если Екатерина Алексеевна лично сказала вам приходить, я запрещаю ей?

— Прасковья Павловна сказала почти то же самое.

— Умная женщина. Я всегда это подозревал.

Он поднял чашку, обнаружил, что кофе остыл, и всё равно отпил.

— Только одно запомните. Во дворце талант редко существует отдельно от интересов других людей. Если государыне нравится, как вы рисуете, это прекрасно. Но вокруг неё всегда найдутся те, кому станет интересно, почему вы там оказались и чего хотите.

— Я ничего не хочу.

— Это вам известно. Им — нет.

Анна провела пальцем по краю стола.

— Вы думаете, мне лучше отказаться?

Андрей Ильич некоторое время рассматривал портрет, словно вопрос относился и к нему.

— Нет. Если вам выпал шанс работать с натурой, которую художники вашего положения обычно видят только на чужих полотнах, отказываться глупо. Но ещё глупее решить, что раз государыня с вами приветлива, все остальные тоже будут рады вашему появлению.

— Хорошо, — сказала Анна.

— И завтра придёте раньше. Надо закончить левый рукав.

— Завтра мне не во дворец.

— Поэтому я и сказал.

Он снова открыл записную книжку, и Анна уже собиралась надеть рабочий передник, когда вспомнила о главном.

— Послезавтра мне нужны краски и маленький холст.

Карандаш Андрея Ильича остановился над страницей.

— Зачем?

— Она хочет попробовать цвет.

Учитель медленно поднял голову.

— Что именно хочет попробовать Екатерина Алексеевна?

— Портрет.

— Какой портрет?

Анна выдохнула.

— Другой. Небольшой, неофициальный, без парадного платья и мантии. Она просила пока никому не говорить, потому что хочет сначала посмотреть, что получится.

На лице Андрея Ильича почти ничего не изменилось, и от этого стало ещё неприятнее.

— Вот теперь мы наконец добрались до той части разговора, которую вы собирались не рассказывать.

— Я собиралась.

— Когда?

— Сейчас.

— После того как попросили холст.

— Всё равно сейчас.

Он прошёл к дальней стене, где под тканью стояли несколько грунтованных полотен, и начал перебирать их. Первый отставил из-за плохого грунта, второй — из-за слишком грубой ткани. Третий оказался меньше, с ровным мелким полотном; Андрей Ильич проверил натяжение и протянул его Анне.

— Возьмите этот.

Анна взяла подрамник.

— Вы не сердитесь?

— Очень.

— Не похоже.

— Потому что я занят.

— А на что именно?

— На государыню, которая заказывает отдельный портрет у моей помощницы, не сообщив мне. На вас, потому что вы почти решили скрыть это. На себя, потому что понимаю, почему она выбрала именно вас.

— Почему?

Андрей Ильич посмотрел на руку Екатерины на своём портрете.

— Потому что вы не умеете вовремя остановиться.

Анна так и не поняла, комплимент это или обвинение. По лицу учителя было видно, что он сам пока не определился.

Следующее утро прошло спокойно, и после двух дней дворца обычная работа казалась почти роскошью. За стеной скребли пол, внизу торговец спорил с хозяином лавки о цене свежей, Андрей Ильич дважды терял очки и оба раза находил их у себя на голове. Никто не требовал немедленно показать государыню и не появлялся в дверях с сообщением, что её величество ждёт.

Анна закончила левый рукав парадного портрета, почистила кисти и ближе к обеду занялась холстом, который предстояло взять во дворец. Полотно Андрей Ильич выбрал действительно хорошее: мелкое, ровно натянутое, без заметных узлов, размером как раз для поясного портрета. Она поставила подрамник вертикально, отошла на несколько шагов и прикинула композицию.

— Слишком большой? — спросила Анна.

Андрей Ильич бросил взгляд из-за своего мольберта.

— Если хотите закончить работу до следующего царствования, нормальный.

— Я серьёзно.

— И я.

Пустой холст всегда действовал странно. Пока он оставался белым, на нём ещё помещалось всё: хороший портрет, плохой, случайный, тот, который захотят сохранить, и тот, что потом будут переписывать. Первая линия сразу сокращала количество возможностей.

Анна открыла ящик с красками и начала отбирать то, что точно пригодится на первых сеансах: охру, умбру, киноварь, свинцовые белила, чёрную. Несколько синих и зелёных оставила в стороне.

Андрей Ильич подошёл ближе.

— Не набирайте слишком много.

— Я знаю.

— Знаете, но всё равно набираете.

— Во дворце свои материалы есть.

— И вы собираетесь искать нужный пигмент среди дворцовых запасов в присутствии государыни?

Анна добавила ещё одну маленькую баночку.

— Убедили.

Он вернулся к своему мольберту.

— Фон какой?

— Пока не знаю.

— Положение?

— За столом, вероятно.

— Вероятно — плохое слово для композиции.

— Я сначала посмотрю.

— Вот это уже лучше.

Больше он не спрашивал, и Анна была благодарна. Она сама пока не знала, что собирается писать. Вчерашний рисунок остался у Екатерины, но память хорошо держала наклон головы, чепец, тяжёлую линию плеча и руку на бумаге. Переносить набросок прямо на холст всё равно не хотелось: рисунок получился в момент, когда государыня забыла о её присутствии, а на следующем сеансе всё могло оказаться иначе.

К вечеру краски были собраны, холст упакован, кисти перебраны трижды.

Прасковья Павловна увидела всё это дома и потребовала объяснений. На этот раз Анна рассказала сразу, пока тётка сидела у окна и поправляла петлю на старой салфетке.

— Значит, теперь ты пишешь саму императрицу.

— Андрей Ильич тоже пишет.

— Его портрет будет висеть там, где на него будут смотреть послы. А твой где?

— Пока нигде. Она хочет оставить его себе.

Прасковья Павловна подняла брови.

— Очень разумное место для портрета. И кто-нибудь ещё об этом знает?

— Андрей Ильич.

— А кроме него?

— Не знаю.

Тётка отложила шитьё.

— Вот это мне нравится меньше. Когда взрослые люди начинают говорить «никто пока не должен знать», обычно вскоре выясняется, что знать должен был кто-нибудь ещё.

Анна рассмеялась, но Прасковья Павловна осталась серьёзной.

— Я не шучу. Ты художник, Аня. Вот и оставайся художником. Не носи писем, не передавай разговоров, не соглашайся на поручения, которых не понимаешь.

— Мне никто ничего такого не предлагал.

— Хорошо. Значит, совет пока бесплатный.

Анна села рядом и взяла кусок ткани.

— Ты думаешь, там всё настолько сложно?

— Я думаю, в доме, где живёт императрица, слишком много людей зависят от того, что она сказала, кому улыбнулась и кого приняла. Этого достаточно.

Прасковья Павловна вернулась к салфетке, сделала несколько стежков и добавила:

— И не надевай серое.

Анна удивилась.

— Вчера оно было приличное.

— Вчера ты рисовала карандашом. Завтра будут краски. Испортишь — потом опять скажешь, что пятно почти незаметно. Наденешь коричневое.

Послезавтра Ланской встретил Анну у подъезда и первым делом забрал у сопровождавшего её мальчишки холст.

— Осторожно, — сказала она.

Он бросил на неё сухой взгляд.

— Я не понесу его сам.

— Я не про вас.

Ланской передал холст лакею, коротко распорядился, куда его отнести, и повёл Анну через небольшую галерею в комнаты, которые выглядели менее парадно, чем большая часть дворца. Здесь было меньше позолоты, зато больше мебели, книг и вещей, явно стоявших не ради посетителей. На одном столике лежала раскрытая книга лицом вниз, возле окна стояла корзинка с рукоделием, а у стены спал маленький светлый пёс.

Анна невольно замедлила шаг, и пёс тут же поднял голову.

— Не трогайте, — предупредил Ланской.

— Я и не собиралась.

— Все говорят одно и то же.

Пёс тем временем встал, потянулся и направился за Анной.

— Он кусается?

— Нет. Потом ходит за человеком и мешает работать.

Ланской оглянулся на собаку и сухо добавил:

— Я вас предупреждал.

До комнаты Екатерины они дошли втроем: Анна с сумкой, Ланской с обычным невозмутимым лицом и пёс, который время от времени останавливался, проверял, не потерял ли новый объект интереса, и снова семенил следом.

Екатерина была не одна. Возле окна сидела женщина примерно сорока пяти лет в тёмно-синем платье и что-то вышивала; рядом стояла корзинка с нитками. По тому, как свободно она устроилась в кресле и как мало интереса проявила к появлению Анны, к случайным посетителям её отнести было трудно.

Екатерина закончила разговор с секретарём, отпустила его и только потом обратила внимание на собаку.

— Том, ты опять выбрал себе нового человека?

— Он пришёл за мной, — объяснила Анна.

— Это он делает лучше всего.

Женщина у окна улыбнулась, не отрываясь от вышивки.

— Марья Саввишна, — представила её Екатерина. — Она останется, если вы не возражаете.

Анна не знала, может ли вообще возражать.

— Конечно.

Марья Саввишна подняла голову.

— Не беспокойтесь, я умею долго молчать. В отличие от некоторых присутствующих.

— Это она обо мне, — спокойно сказала Екатерина.

Марья Саввишна снова занялась работой, и Анна почти сразу почувствовала разницу между этими женщинами. Екатерина могла управлять комнатой, даже когда молчала. Марья Саввишна ничем не управляла и явно не собиралась, но держалась так свободно, что становилось понятно: знакомы они давно и притворяться друг перед другом уже перестали.

Лакей установил холст.

Екатерина подошла посмотреть.

— Андрей Ильич выбирал?

— Да.

— Значит, он знает.

— Теперь знает.

— Сердился?

— Очень.

— Что сказал?

— Дал лучший холст.

В лице Екатерины появилось одобрение.

— Хороший учитель.

— Да.

Анна принялась раскладывать материалы: палитру, кисти, баночки, масло, тряпки. В мастерской можно было бросить тряпку на край стола и вспомнить о ней через час; здесь одна такая тряпка выглядела способной изменить отношения между художниками и двором навсегда, поэтому приходилось одновременно готовиться к работе и следить, чтобы ничего не коснулось дорогой мебели.

Марья Саввишна наблюдала за приготовлениями.

— Всегда столько всего?

— Обычно больше.

— Я думала, художник приходит с кистью.

— Это как сказать, что портной приходит с иголкой.

— Вот и верь картинкам.

Екатерина тем временем рассматривала вчерашние рисунки.

— Начнём с этого положения?

Она показала тот самый набросок.

— Можно, но я бы не стала повторять его точно.

— Почему?

— Тогда вы не позировали.

— А сегодня буду?

— Первые десять минут точно.

Марья Саввишна тихо усмехнулась, Екатерина же ничего не ответила и заняла место за столом.

Анна установила холст, проверила расстояние и начала углём, легко наметив голову, линию плеча и край стола. Положение фигуры пришлось почти сразу изменить: на большем формате прежний наклон выглядел неестественно. Анна стёрла плечо тряпкой, провела линию заново, чуть опустила руку и оставила больше воздуха справа.

Екатерина следила за её движениями.

— Уже плохо?

— Пока никак.

— Обнадёживает.

— На первом этапе это нормально.

Через несколько минут вопросы прекратились. Анна старалась не думать о результате и занималась только композицией: не увеличить голову, не поднять плечо, правильно посадить фигуру на холсте, оставить место для края стола и руки, которая в рисунке лежала чуть выше.

Екатерина тем временем заговорила с Марьей Саввишной. Они обсуждали общую знакомую, которая третий месяц пыталась устроить свадьбу дочери и каждый раз находила в предполагаемом женихе новый недостаток.

— На прошлой неделе он был слишком беден, — сказала Марья Саввишна. — Сегодня уже слишком богат и поэтому избалован.

— Значит, остаётся найти человека со строго определённой суммой дохода.

— Я предлагала написать объявление.

Екатерина взяла со стола очки.

— Не поможет. Пока он доедет, сумма изменится.

Анна слушала вполуха. Именно в разговоре с Марьей Саввишной государыня перестала ждать очередного движения кисти, облокотилась на край стола и держала голову совсем иначе, чем в первые минуты. Анна быстро уточнила линию лица.

Марья Саввишна заметила.

— Теперь надо разговаривать всё время?

— Было бы полезно, — призналась Анна.

— Вот видишь, — сказала Марья Саввишна Екатерине. — Наконец-то нашлось официальное оправдание разговорам.

— Анна Павловна, не поощряйте её.

Анна не вмешалась. Этот обычный обмен двух женщин, давно знавших друг друга, был ей полезнее любой просьбы «сидеть естественно».

Примерно через полчаса рисунок уже позволял перейти к первому тонкому слою. Анна смешала охру с небольшим количеством умбры и начала легко убирать белизну холста: прошла фон, наметила лицо, шею и руки, пока не пытаясь писать детали и удерживая только большие отношения света и тени.

Живопись в этот момент всегда выглядела некрасиво, и Анне это нравилось. Никто ещё не мог сказать, удался портрет или провалился. Он только начинал приобретать тело.

Марья Саввишна отложила вышивку и подошла ближе.

— Можно?

— Только не очень близко.

Она остановилась на почтительном расстоянии.

— Похожа.

Анна покачала головой.

— Пока рано.

— Я же её вижу.

— Вы знаете, кто там должен быть. Это мешает.

Екатерина услышала.

— Почему?

Анна промыла кисть.

— Потому что человек сам достраивает знакомое лицо. Иногда достаточно нескольких правильных черт, а остальное зритель уже приносит с собой.

— Значит, плохой портрет знакомого может казаться лучше?

— Иногда.

— Удобно для художников.

— Очень. Поэтому лучше этим не пользоваться.

Екатерина вернулась к разговору с Марьей Саввишной, а Анна продолжила писать.

Спустя некоторое время дверь открылась, и вошёл мужчина, которого она уже видела мельком в предыдущие дни: высокий, сухой, лет пятидесяти, в тёмном мундире. Он собирался обратиться к Екатерине, но остановился, заметив холст.

— Что это?

Вопрос был адресован государыне.

— Портрет.

— Я вижу.

Теперь он посмотрел на Анну, оценивая её без особой грубости, но и без малейшего желания скрыть любопытство.

— Новый художник?

— Анна Павловна работает у Соколова.

— Я знаю мастерскую Соколова.

По интонации было понятно, что саму Анну он не знает и пока не уверен, следует ли это исправлять.

Екатерина попросила докладывать, зачем он пришёл, и разговор сразу стал деловым. Анна попыталась вернуться к работе, однако государыня изменила положение, мужчина остался возле стола, а речь пошла о назначениях, фамилиях и каком-то прощении. Половину Анна не понимала, вторую половину предпочитала не понимать. Вчерашнее предупреждение Прасковьи Павловны вспомнилось очень вовремя, поэтому она занялась палитрой и привела в порядок кисти.

Закончив доклад, мужчина перед уходом задержался возле холста.

— Необычно.

Екатерина ничего не спросила.

— Её величество без знаков отличия, — пояснил он.

— Их достаточно на других портретах.

— Разумеется.

Он поклонился и уже у двери всё же спросил:

— Для кого работа?

Анна замерла над кистями.

— Для меня, — спокойно ответила Екатерина.

Мужчина больше ничего не сказал.

После его ухода Марья Саввишна некоторое время разбирала нитки.

— Он спросит ещё раз.

— Пусть, — сказала Екатерина.

В её голосе не было тревоги, но Анна впервые задумалась, сколько людей во дворце уже успели заметить холст и сколько ещё заметят до следующего сеанса.

— Продолжим? — спросила Екатерина.

Анна оценила свет.

— Минут двадцать.

— Хорошо.

После перерыва лицо пришлось искать почти заново. Екатерина сидела жёстче, подбородок держала выше, и Анна долго не могла понять, что именно изменилось после прихода чиновника. В конце концов она попросила не смотреть на неё.

— Куда?

— Куда угодно.

Екатерина взяла лежавшую рядом книгу, и напряжение в лице постепенно ушло. Анна продолжила работу, прописывая линию щеки и тень под подбородком. Пока это ещё не был портрет Екатерины — просто пожилая женщина в тёмном платье сидела за столом и читала, и именно этого Анна добивалась.

Когда время закончилось, первый слой выглядел грязновато и совершенно незаконченно.

Екатерина подошла посмотреть вместе с Марьей Саввишной.

— Я здесь усталая, — заметила государыня.

Анна уже приготовилась объяснять, но Екатерина продолжила:

— Сегодня я и есть усталая. Оставьте.

Анна ничего не стала возражать и принялась собирать материалы.

Холст она собиралась забрать с собой, но Екатерина остановила её:

— Он останется здесь.

— Мне удобнее работать в мастерской между сеансами.

— Что вам нужно будет делать?

— Когда подсохнет, проверить тон, кое-где поправить рисунок, подготовить следующий слой.

— Тогда вам выделяют комнату здесь. Всё необходимое принесут.

— Я не могу уносить портрет?

— Пока нет.

— Почему?

Марья Саввишна поднялась и вышла в соседнюю комнату, забрав корзинку. Анна не поняла, сделала она это случайно или намеренно.

Екатерина подошла к окну.

— Я ещё не решила, что с ним будет дальше. Чем меньше людей увидят незаконченную работу, тем проще.

— Андрей Ильич уже знает.

— Андрей Ильич — художник. Меня больше беспокоят те, кто художниками не является.

Анна вытерла руки тряпкой. Ещё вчера просьба пока не рассказывать о портрете казалась частью частного заказа, но теперь к ней добавились чужие вопросы и отдельная комната во дворце, где холст собирались держать между сеансами.

— Мне нужно будет приходить чаще.

— Договоритесь с Ланским. Не обязательно каждый раз ждать меня. Если работаете только с холстом, вас проведут в комнату.

Екатерина вернулась к столу, давая понять, что разговор окончен.

У двери Анна всё же остановилась.

— Ваше величество. Тот мужчина, который приходил... Он имеет отношение к портрету?

— Нет.

Анна уже собиралась уйти, когда Екатерина добавила:

— И вам лучше, чтобы не имел.

Объяснения не последовало.

Анна поклонилась и вышла.

Ланской ждал в коридоре.

— Холст остаётся, — сказала она.

— Мне уже передали.

— Мне понадобится комната для работы и доступ в те дни, когда её величество занята.

— Подготовят. Время вам сообщат.

Анна поправила сумку на плече.

— Вы всегда всё знаете раньше меня?

Ланской открыл дверь в галерею.

— Почти всегда.

Светлый пёс лежал там же, где утром, свернувшись клубком возле кресла. Увидев Анну, он поднял голову, но на этот раз за ней не пошёл. Ей самой тоже хотелось хотя бы до улицы ни за кем не следовать и ни о чём не думать, однако уже на лестнице мысли вернулись к мастерской и к тому, что Андрей Ильич заметит первым.

Она возвращалась без холста.

Глава 5. Женщина под женщиной

Михаил появился в мастерской на следующий день в половине десятого с двумя стаканами кофе и бумажным пакетом, который пах значительно убедительнее, чем всё содержимое моего холодильника за последнюю неделю.

— Я решил не спрашивать, завтракала ли ты, — сообщил он, освобождая себе место на краю стола. — Вчерашние сообщения убедили меня сразу исходить из худшего.

Из пакета показалась большая слойка с сыром.

— Это взятка?

— Это завтрак. Взятки я историкам такого уровня не доверяю.

Я отодвинула от него лоток с инструментами, взяла свой кофе и только тогда вспомнила, что поздно вечером действительно написала ему: «Скажи, что я не сошла с ума». Фотоуловка была не самая научная, зато точно передавала состояние после нескольких часов с инфракрасными снимками и фрагментом надписи, который то складывался в понятное слово, то снова рассыпался в набор старых трещин и полустёртых букв.

Михаил уже стоял перед портретом. Вживую картина производила другое впечатление, чем на фотографиях: пожелтевший лак сильнее приглушал лицо, тёмное платье почти сливалось с фоном, а линия второго плеча, которую инфракрасное исследование показало достаточно ясно, обычному глазу едва читалась.

Он умел долго молчать перед вещью. В этом мы с ним различались. Я при первом знакомстве с предметом обычно начинала менять свет, обходить его сбоку, приближаться, отходить, искать следы вмешательства и спорить сама с собой. Михаил мог просто стоять, пока у меня не начинало возникать ощущение, что исследуют здесь как раз его.

— Ну? — не выдержала я.

— Дай посмотреть.

Я занялась слойкой.

Минуты через две Михаил подошёл к столу, где были разложены фотографии, и попросил показать снимки в исходном качестве. Пока я открывала папку, он надел очки, придвинул стул и устроился перед монитором уже совсем не как человек, принесший кофе, а как тот Михаил, которого я обычно вызывала, когда предмет начинал обзаводиться биографией.

— По фотографии верхняя женщина казалась моложе, — сказал он.

— Лак съедает полутон, а лицо местами записывали. Здесь вообще много чего выглядит честнее на снимках, чем в обычном свете.

— И надпись?

— С ней хуже.

Я открыла увеличенный фрагмент нижнего края. При направленном освещении несколько букв проступали достаточно отчётливо, чтобы мозг охотно достроил недостающее. При дневном свете хотелось немедленно потребовать от собственной ночной версии независимую экспертизу.

Михаил несколько раз переключил изображения, снятые под разным углом.

— Я бы пока не писал слово целиком.

— Я тоже.

— Вчера ты написала мне: «Там величество».

— Вчера было почти двенадцать.

— Это смягчающее обстоятельство?

— Именно поэтому сегодня здесь ты, а не пресс-служба.

Он усмехнулся, но больше спорить не стал.

Вместо этого мы вернулись к самому важному. Надпись находилась под верхней записью, и характер кракелюра позволял предположить, что появилась она раньше нынешнего изображения. Слово могло быть чем угодно: частью посвящения, маркировкой копии, подписью к другому портрету, поздней надписью владельца. Само по себе «величество», даже если мы прочитали его правильно, не превращало женщину под зелёным платьем в государыню.

Инфракрасные снимки давали больше.

Под нынешней фигурой действительно существовала другая женская композиция. Второе плечо находилось выше, посадка головы была иной, линия одежды уходила по другому контуру. Там, где верхний портрет был построен довольно просто, нижний выглядел сложнее: возле груди проступала крупная форма, а в фоне угадывались линии, которых в нынешней версии не было вовсе.

— То есть ты уверена, что это не просто первоначальный вариант той же женщины? — спросил Михаил, когда мы дошли до серии снимков плеча и корпуса.

— Нет, пока не уверена. Но композиция отличается слишком сильно. Лицо почти не читается, и без рентгена дальше мы будем гадать. Ольга обещала попробовать втиснуть нас послезавтра, если у неё никто не сорвётся.

— Она тебя сначала выгонит.

— Потом всё равно сделает.

Зазвонил телефон.

На экране высветился Аркадий Леонидович.

Я показала Михаилу имя и ответила.

— Александра, доброе утро. Я вас не отвлекаю?

— Уже нет.

— У меня новости по коробкам. В смысле, не то чтобы новости... Вы представляете, что такое двадцать коробок вещей моей тёти?

— Примерно.

— Не представляете. У неё сохранились квитанции за газ с девяносто третьего года. Но я нашёл четыре коробки старых бумаг и фотографий. Думаю, это то, о чём вы спрашивали. Могу сегодня привезти, часа через два-три.

— Привозите. Чем больше старых фотографий, описей и семейных бумаг, тем лучше.

Аркадий Леонидович явно обрадовался, что хотя бы одна часть тётиного наследства получила смысл, но почти сразу вернулся к главному:

— А по картине что-нибудь уже есть? Вы вчера говорили, что под краской что-то нашли.

Я на секунду пожалела, что разговаривала с владельцем поздно вечером.

— Мы подтвердили, что картину серьёзно переписывали. Под нынешним портретом находится более раннее женское изображение, но пока мы не знаем, кто там, было ли оно закончено и почему его перекрыли.

— То есть всё-таки вторая картина?

— Скорее второе изображение на том же холсте. Так будет точнее.

— И тот человек важный?

— Этого пока вообще невозможно сказать. Есть фрагмент старой надписи, но сейчас он ничего не доказывает.

Аркадий Леонидович выдержал паузу, в которой очень отчётливо слышалось разочарование человека, надеявшегося к утру получить императрицу и предварительную аукционную оценку.

— Ладно. Я тогда сначала коробки привезу.

После звонка Михаил забрал из пакета вторую слойку.

— Ты сейчас звучала значительно осторожнее, чем вчера.

— Ночь прошла не зря.

— Иногда сон действительно полезен для науки.

— Я спала четыре часа.

— Тогда наука пока под угрозой.

Аркадий Леонидович приехал почти через четыре часа. Вместе с четырьмя коробками он привёз племянника Сергея лет двадцати пяти, и уже через несколько минут выяснилось, что именно Сергей когда-то сфотографировал раму и первым нашёл в интернете «похожую за большие деньги».

Он сообщил об этом сам, пока ставил коробку на пол, с таким выражением, словно наконец наступил день официального признания его заслуг.

— Я сразу сказал, что вещь старая. По раме было видно.

Михаил, который как раз освобождал место возле стены, спокойно заметил, что рама появилась позже самой картины.

Сергей заинтересовался уже по-настоящему.

— Намного позже?

— Пока неизвестно. Но она не родная.

Аркадий Леонидович с тяжёлой обречённостью человека, слышавшего этот разговор дома не один раз, попросил племянника сначала занести оставшиеся коробки.

Когда всё оказалось внутри, Сергей подошёл к портрету. Близко, но всё-таки не настолько, чтобы мне пришлось его оттаскивать.

— Реально вот так всё время висела, — сказал он. — У тёти Светы над диваном. Я её с детства помню.

— И никто ничего с картиной не делал?

Сергей собирался уверенно ответить, но Аркадий Леонидович его опередил:

— Тётя её протирала.

Я медленно поставила чашку.

— Чем?

Оба родственника задумались.

Сергей первым вспомнил, что тётя Света вообще любила протирать всё одной и той же тряпкой. Иногда сухой, иногда, судя по всему, влажной. После этого некоторые матовые участки старого лака перестали казаться мне загадочным следствием прежней реставрации и получили вполне конкретного автора.

— Это очень плохо? — спросил Сергей.

— Сейчас уже поздно спорить с тётей Светой. Просто дальше лучше ничего самим не чистить.

Сергей снова принялся рассматривать картину. По тому, как долго он задерживался на раме, кольцо, лице женщины и особенно на тех местах, где мы указали возможные поздние записи, было видно, что интересует его не столько семейная история, сколько перспектива однажды услышать название известной фамилии.

Через некоторое время он всё-таки спросил:

— А если под ней реально Екатерина?

Михаил перестал разбирать коробки.

— Откуда именно Екатерина?

— Ну тётя же говорила про какую-то родственницу. И надпись эта. Если там «величество», то кто ещё?

Пришлось объяснять, что семейная легенда говорила о родстве, а не о самом изображении, что надпись пока читается предположительно и что под верхним слоем точно женская фигура, но вариантов при этом остаётся огромное количество.

Сергей выслушал довольно внимательно, а потом спросил:

— Наполеон уже исключён?

— Да, — сказала я. — Уверенно.

По его лицу было видно, что этот вариант ему всё равно нравился.

Я оформила приём документов, Аркадий Леонидович расписался, после чего ещё минут десять пытался выяснить сроки. Я снова объяснила, что точный ответ в реставрации часто возникает после довольно долгого периода, когда специалист раздражающе повторяет «пока рано». На рентген я обещала позвонить сразу.

Когда дверь за родственниками закрылась, мастерская стала выглядеть так, словно мы временно открыли пункт приёма макулатуры. Четыре коробки заняли половину свободного пола, а Михаил снял часы и положил на стол.

— Зачем?

— Чтобы не видеть, сколько времени мы сейчас потеряем.

На этом он вскрыл первую коробку.

В ней оказались фотографии. Не старинные карточки на плотном картоне, на которые я тайне надеялась, а обычная семейная смесь за несколько десятилетий: свадьбы, дети, дачи, похороны, люди возле машин, люди возле ковров, люди на море и множество снимков, где спустя сорок лет уже невозможно было понять, зачем фотограф вообще нажал на кнопку.

Михаил сортировал быстро, отделяя всё, что могло дать интерьер, фамилии или адрес. Я работала медленнее, потому что постоянно начинала рассматривать лица.

Через какое-то время он отобрал у меня фотографию ребёнка с велосипедом.

— Там хороший задний план, — возразила я.

— Там холодильник.

Я пригляделась.

— Зато теперь мы знаем, что у семьи был «ЗИЛ».

Фотография отправилась в стопку, которая к нашей картине отношения явно не имела, а я получила молчаливое напоминание заниматься делом.

Первый действительно полезный снимок нашёлся почти через час.

Чёрно-белая фотография была небольшой, с белой зубчатой каймой. В комнате за столом сидели трое мужчин и женщина; по одежде и качеству снимка Михаил предположил конец тридцатых или самое начало сороковых. За ними на стене висел портрет.

Я узнала его сразу.

Та же женщина, то же тёмное платье, тот же поворот головы. Рама, правда, была другой — проще и значительно уже нынешней.

Мы придвинули снимок к лампе.

На обороте сохранилась надпись синими чернилами:

«У Лёли. Ленинград. 1940».

Ниже другим почерком позже добавили несколько фамилий.

Теперь у верхнего изображения была первая твёрдая дата. К 1940 году именно этот портрет уже существовал и находился у семьи. Не предположение по стилю, не воспоминание Аркадия Леонидовича, а фотография, на которой картина висела на стене.

Михаил сразу начал переписывать фамилии.

Одна совпала с фамилией нынешних владельцев.

Вторая коробка оказалась менее щедрой. Открытки, школьные свидетельства, письма о здоровье, деньгах и дальних родственниках, которых мы никогда не узнаем. Михаил всё равно проверял адреса и даты, потому что семейная ветка могла объяснить, откуда портрет вообще появился у Елизаветы Павловны, которую Аркадий Леонидович помнил только по рассказам тёти.

— Проще же спросить семью, — сказала я, когда он в третий раз сверял фамилию на конверте с составленной от руки схемой.

— Семья говорит, что картина была у них всегда. Обычно это означает «сколько помнит самый старший живой родственник». Мне нужно понять, что было до этого.

Во второй половине дня мастерская наполнилась пылью, шорохом старой бумаги и запахом второго кофе. Портрет оставался у стены и время от времени возвращал меня к цели поисков: женщина, которую семья десятилетиями называла то княгиней, то родственницей Екатерины, где-то должна была оставить хотя бы один документальный след.

Михаил нашёл его ближе к пяти.

Это был тонкий лист, сложенный вчетверо, с перечнем вещей, составленным после смерти некоей Елизаветы Павловны в 1911 году. Сначала там шли мебель, посуда и какие-то бытовые мелочи. Михаил уже собирался перевернуть страницу, когда остановился на одной строке.

Я подошла к столу.

«Портрет дамы в зелёном платье, старинный, семейный. Рама резная. Из дома Ржевских».

После нескольких часов чужих квитанций, свадебных карточек и писем о зубной боли фамилия на бумаге заставила нас задержаться над строкой дольше, чем над всем остальным содержимым описи.

Я перечитала её ещё раз.

Ржевских.

До этого фамилия существовала только в рассказе покойной тётки, пересказанном Аркадием Леонидовичем. Теперь становилось понятно хотя бы происхождение семейной легенды.

— Значит, она всё-таки не выдумала, — сказала я.

— По крайней мере не эту часть. В 1911 году человек, составлявший опись, действительно связал портрет с домом Ржевских. Дальше надо понять, что означало «из дома»: наследство, покупка, подарок, вещи вместе с усадьбой. И каких именно Ржевских.

Я всё ещё смотрела на строчку.

— Дай мне хотя бы минуту побыть довольной.

Михаил позволил мне значительно меньше, но на этот раз я даже не стала возмущаться.

Под портретом в описи значились серебряная сахарница, шесть стульев и два подсвечника. История вообще редко уважала драматургию: фамилия, которую мы искали целый день, спокойно лежала между мебелью и столовым серебром.

«Е. Р.» на подрамнике сразу начало выглядеть значительно соблазнительнее.

Именно поэтому я заставила себя вспомнить, что подрамник поздний. Буквы могли принадлежать владельцу, реставратору или человеку, который когда-то натягивал холст. Фамилия в описи не превращала «Р.» в Ржевскую, а «Е.» — в имя женщины на картине.

Красивые версии обычно начинались с двух фактов, которые очень хотелось соединить.

Михаил тем временем фотографировал документ и складывал в отдельную папку другие листы той же описи.

— Дальше попробую восстановить Елизавету Павловну и цепочку владельцев, — сказал он. — Если поймём, как к ней попала вещь, станет ясно, какой именно «дом Ржевских» имеется в виду. Потом уже полезем в архивы.

— Это несколько дней?

— Если очень повезёт. Если нет — Ржевских было достаточно, чтобы испортить нам неделю.

Я вернулась к портрету.

— А мне завтра к Ольге.

— Хорошо. После рентгена хотя бы станет понятно, насколько нижняя композиция отличается от верхней.

К шести часам мы закончили только две коробки. Михаил забрал копии нескольких документов и список фамилий, оригиналы я убрала во временные папки. Уже в пальто он ещё раз задержался возле картины и спросил, не кажется ли мне странным, что при настолько серьёзной переделке кто-то не просто перекрыл старое изображение, а написал поверх него вполне самостоятельный и неплохой портрет.

Мне это тоже не давало покоя. Холсты стоили денег и иногда использовались повторно, но верхняя женщина не выглядела случайной технической записью. Её писали внимательно: лицо, руки, одежду, мелкие изменения. Человек, который создавал нынешний слой, явно хотел получить законченный портрет.

— Она тебе нравится? — спросил Михаил.

Я немного удивилась самому вопросу.

— Да.

— Почему?

Пришлось посмотреть на женщину уже не как реставратору.

— Не знаю. Наверное, из-за лица. Оно не очень удобное.

— В каком смысле?

— Её трудно представить покорной.

— Это научное заключение?

— Абсолютно нет.

— Уже легче.

Он надел пальто.

— Не сиди здесь до ночи.

Я пообещала ровно то, что обычно обещают в таких случаях.

После его ухода действительно начала собираться: убрала стаканы, выключила дополнительную лампу, проверила окна и даже успела надеть пальто, когда телефон сообщил о новом письме.

Ольга написала коротко:

«Освободилось окно завтра в 12:30. Если привезёшь сама и не опоздаешь — сделаем рентген».

Пальто пришлось снять.

Я ответила, что буду, упаковала документы и ещё раз подошла к картине, чтобы проверить крепления перед завтрашней перевозкой. В обычном свете под женщиной в зелёном платье по-прежнему не было никакой императрицы и вообще никого второго — только усталое лицо, кольцо, старый лак и несколько следов вмешательств, которые приходилось вытаскивать один за другим.

На следующий день портрет лежал уже в рентгеновском кабинете.

В этом здании любой предмет автоматически начинал вести себя приличнее. Даже наша картина, упакованная в защитный короб, здесь переставала быть семейной вещью из квартиры над диваном и превращалась в объект, которому полагались номер, перчатки и осторожные движения.

Ольга встретила меня у двери.

— Четыре минуты.

— Что?

— Опоздания.

— Я несла восемнадцатый век.

— Ты пока не доказала, что несла восемнадцатый век.

Мы были знакомы достаточно давно, поэтому этим приветствие исчерпывалось. Ольга была старше меня примерно на десять лет, носила короткую стрижку и круглые очки и за

годы работы приобрела почти физическую устойчивость к словам «сенсация», «неизвестный шедевр» и «в семье всегда говорили».

Проверив упаковку, она спросила, что именно мне нужно от исследования.

— Сначала нижняя композиция. Если получится — лицо. Инфракрасный показывает другое плечо и одежду, но голову почти перекрывают пигменты верхнего слоя.

— Хорошо. Если ничего не увидим, не плачь.

— Буду страдать профессионально.

Следующие полтора часа романтики не содержали вообще. Мы обсуждали участки, экспозицию и последовательность снимков, делали пробу, ждали, переставляли полотно и повторяли. На экране знакомая женщина постепенно превращалась в систему плотностей, белёсых пятен и пересекающихся линий, в которых сначала хотелось увидеть готовую картинку, а потом приходилось заново учиться смотреть.

Уже первые фрагменты подтвердили, что положение фигуры менялось значительно. В нижнем слое иначе проходили плечо и рукав, по-другому была построена одежда, возле груди проявлялась крупная светлая область. На одном из участков стало видно, что верхняя фигура не просто повторяла старую с небольшими поправками: художник перестроил посадку корпуса почти целиком.

Я старалась не торопить Ольгу вопросами и только записывала номера снимков.

Когда дошли до головы, стало сложнее. Поздние белила и последующие вмешательства давали плотные участки, линии двух изображений накладывались друг на друга, и первое время я вообще не понимала, смотрю ли на ранний вариант того же лица или на совершенно другого человека.

Ольга изменила контраст и увеличила фрагмент, после чего нижний овал начал постепенно отделяться от верхнего. Голова располагалась чуть ниже, линия щеки шла иначе, подбородок оказался тяжелее, глаза находились в другом положении. Верхняя женщина была повернута немного в сторону, а нижняя смотрела почти прямо, поэтому два лица накладывались друг на друга так, что один рот проходил выше другого, а глаз верхнего портрета оказывался возле виска нижнего.

Я подошла ближе к экрану.

Это была другая женщина.

Подписываться под словом «точно» после первого просмотра всей серии я бы ещё не стала, но вариант с обычной авторской переделкой собственного портрета выглядел всё менее убедительно.

Ольга тоже не спешила с формулировками.

— Здесь понадобится спокойно сравнить все фрагменты. Но различий уже достаточно, чтобы говорить как минимум о серьёзно другой физиономии.

— Спасибо за научный термин.

— Пожалуйста.

Мы сделали ещё несколько снимков головы и рук. На правой кисти нижней фигуры обнаружился крупный плотный участок, возможно украшение или декоративная деталь костюма. Я попросила отдельно снять область возле виска, где на инфракрасном изображении появлялась та самая форма, которую ночью хотелось назвать короной.

На рентгене она тоже проявилась, но яснее от этого почти не стала. Виднелась сложная конструкция вокруг головы с несколькими светлыми выступами, причём часть линий могла относиться к причёске или фону.

Ольга долго изучала участок.

— Головной убор там, скорее всего, есть.

— Какой?

— Вот именно поэтому я не произнесу сейчас слово, которое ты хочешь услышать.

— Я ничего не хочу услышать.

— Конечно.

Я засмеялась, а Ольга сохранила файлы.

На общем снимке два лица выглядели почти неприятно. Молодая женщина верхнего слоя существовала прямо поверх более взрослой, причём речь уже шла не о новом платье или модной причёске: кто-то полностью заменил изображённого человека, сохранив холст.

— Довольна? — спросила Ольга, оформляя результаты.

— Нет. Теперь работы больше.

— Значит, хороший результат.

Мы упаковали картину обратно.

Уже возле двери Ольга всё-таки вернулась к тому, чего не сказала у монитора.

— Ты реально думаешь про Екатерину?

— Я думаю, что под верхним слоем изображена женщина второй половины восемнадцатого века, вероятно в более сложном костюме и головном уборе. Всё остальное пока фантазии.

— Скучная стала.

— Работа обязывает.

— А Ржевские?

— Уже не легенда. Нашли опись 1911 года: «из дома Ржевских».

— Вот это уже интереснее.

— Именно поэтому я не хочу соединять вещи раньше времени.

Ольга помогла закрепить короб, и я вышла на улицу.

Там достала телефон и отправила Михаилу один из самых понятных рентгеновских снимков. Несколько минут ответа не было, и я уже убрала телефон, когда он завибрировал.

«Это другой человек».

Я написала:

«Похоже на то».

Три точки появились почти сразу, исчезли, потом возникли снова.

Следующее сообщение пришло длиннее.

«Я нашёл Ржевских. И, кажется, знаю, откуда портрет попал к Елизавете Павловне».

Я остановилась прямо у ступеней.

Домой можно было ехать потом.

Глава 6. Чужие глаза

На следующий день государыня Анну не ждала, но во дворец всё равно пришлось ехать.

Первый слой подсох достаточно, чтобы проверить рисунок, убрать слишком тёмные места и подготовить холст к следующему сеансу. В мастерской Андрей Ильич занимался бы этим между заказчиками, обедом и руганью с поставщиками. Теперь портрет оставался во дворце, и даже исправление щеки требовало поездки через полгорода, пропуска и отдельной комнаты.

Прасковья Павловна проводила Анну до двери и, убедившись, что та надела коричневое платье, вручила ей завёрнутый в ткань пирог.

— Поешь днём. И вечером не рассказывай, что собиралась вернуться к обеду. Вчера ты тоже собиралась.

— Вчера была государыня.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.